

Анна Соломахина

Эффект
шалльной бабочки

Fjolia Соломахина)

Эффект шальной бабочки

<https://litres.ru/74253718>

Аннотация

Выйти замуж за орка? Ни за что! Да я первую брачную ночь физически не переживу! Срочно бежать, тут до эльфов как раз недалеко, если телепортацией. Ой, и там не все ладно, эльфы оказались такими твердолобыми снобами, что выставили меня из своего Священного леса. Что за мир? Как в нём выжить? Ещё и драконы летают, огнём плюются, а Некрос и вовсе собирается сожрать. Так и хочется пожаловаться в общество защиты прав людей, жаль, тут такого не водится. Только одному изгнаннику не всё равно, выживу я или нет.

#попаданка #юмор и приключения #орк #эльф #дракон
#волшебная татуировка #любовь и страсть #магия

Проды по будням.

Содержание

Глава 1. Орки – это не только кожаные юбки, но и центнер колюще-режущего оружия на ней	4
Глава 2. Волшебное платье	15
Глава 3. Свадьба, с которой я сбежала	24
Глава 4. Эльфийский суд, или птичку жалко	38
Глава 5. Птичку жалко, но эльфа ещё жалче	49
Глава 6. Неведома зверюшка в чистом поле, или как добраться до сторожки и не умереть	67
Глава 7. Выжить в незнакомом мире и не поехать крышей	78
Глава 8. Жила-была Рита	90
Глава 9. Соединить реальности	102
Глава 10. Модный приговор	113
Глава 11. Особенности местных порядков	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Глава 1. Орки – это не только кожаные юбки, но и центнер колюще-режущего оружия на ней

Утро не задалось.

Голова раскалывалась (вспомнить бы ещё, отчего), во рту – пустыня, по которой всю ночь скакали скунсы. Да, я знаю, что скунсы – не пустынные животные, но не придирайтесь к бедной девушке после бурной ночи.

Стоп, мысль, не улетай! Ночь. Да, ночь была очень бурной, полной разнообразных событий. Мелькает лицо Ксюхи – моей лучшей подруги. Какой-то мужик с дредами, пирсингом на бровях и татуировками по всему телу. Всё. Дальше – тьма.

— Мама, ты тут? — вместо нормального голоса я услышала жуткий сип.

Облизала губы, попыталась сглотнуть горькую слюну, но не смогла.

— Боже, за что мне это? — простонала я, приложив максимум усилий, чтобы приоткрыть тяжёлые веки.

Опухли они что ли? К слову, из глаз открылся только левый, правый слегка запаздывал. И первое, что он увидел – чья-то зелёная нога. Мощная, волосатая, обутая в гигантский сапог из коричневой кожи. Чётко выраженные вены

оплетали рельефные мышцы, а коленный сустав соперничал с размером моего черепа.

Стоит ли говорить, что от увиденного мной второй глаз поспешил открыться, чтобы расширить угол обзора?

— Нифига себе... — прошептала я, когда рассмотрела не только вторую ногу, но и... кожаную юбку, под которую эти самые ноги уходили.

И вот знаете, по сравнению с ней шотландский килт – это жалкая женская тряпочка. О, эта юбка была максимально брутальная – из плотной кожи, шитая грубыми швами толстенными нитками. С пояса свисало такое количество оружия, что я снова закрыла глаза. Ещё и зажмурилась на всякий случай.

— У неё зелёные глаза, — произнёс очень низкий мужской голос, от которого я чуть не подпрыгнула на месте.

Захотелось либо убежать от него подальше, либо прикинуться ветошью. Учитывая моё плачевное состояние, второе сделать куда проще, чем первое.

— Такие бывают только у эльфиек, — ответил ему женский голос.

Он раздался откуда-то из-за спины, был тоже весьма низок, но имел характерные интонации, свойственные слабому полу.

— Но волосы у неё тёмные, как у людей, — возразил первый голос, от которого у меня начинали трястись поджилки.

— А кожа – белая! — снова второй, женский голос. —

Пусть и не такая, как у эльфиек.

— Значит, смесок, — постановил обладатель мощных ног и не менее мощной юбки. О том, что под ней скрывается, я даже думать боялась. — Так даже лучше! Эльфийки слишком тонкие и много о себе думают. Ты проверила, она чистая?

— Да, ни один мужчина ею не обладал, — так уверенно заявила женщина, что я удивилась.

Ей-то откуда знать, сколько у меня было, точнее не было мужчин? Неужели сделали гинекологический осмотр?

Прислушавшись к своим ощущениям, я пришла к выводу, что ТАМ меня точно не тревожили. Я бы почувствовала дискомфорт. А вот по голове могли и ударить, раз она так сильно болит. Наверняка! Поэтому мне и показалось, что кожа у мужика зелёная, а на деле случился сбой восприятия цветов. Надеюсь, временный.

— Значит, готовь её к свадебному ритуалу, будет моей сто пятьдесят первой женой! — постановил мужик.

Что? Нет, тут я не выдержала и снова открыла глаза, вот только увидеть смогла лишь удаляющуюся задницу. И немного спину — опять же зелёную. Нет, меня точно чем-то огрели, раз такая дичь видится.

— Ну что, очухалась, болезная? — спросил женский голос, после чего в поле моего зрения попал и его источник.

Гром-баба, богатырша, перекачанная бодибилдерша, или как ещё можно назвать женщину немалого роста, весомых

достоинств и просто потрясных бицепсов. Да ей любой мужик позавидует! Что характерно, кожа у неё столь же зелена, как и у ушедшего мужика. Черные, слегка выющиеся волосы собраны в высокий хвост, лицо словно высечено из камня, а зубы... Такими зубами можно камни грызть или хотя бы деревья.

М-да, и что же вчера произошло, раз мне снится столь дивное видение?

Снится же, да? Не может быть такого наяву! Да, голова болит, но она и во сне болеть может, у меня такое уже случилось. Правда, я потом просыпалась, пила таблетку и снова ложилась, надеюсь, и в этот раз так же выйдет.

— Вставай, нужно тебя помыть, причесать и натереть благовониями, — продолжила командовать зеленая баба, пока я размышляла, пора мне просыпаться или подождать и ещё немного посмотреть сей дивный сон.

Не дождавшись нужных действий, она решительно подхватила меня под подмышки и заставила встать.

«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина?»

Именно эта строчка максимально достоверно описывала текущую ситуацию. Меня качало, как ту несчастную рябину на ветру, плюс горький вкус изо рта никуда не исчез. Как никогда захотелось почистить зубы.

— Что-то ты дохлая какая-то, — протянула зелёная тётка. — Как бы не померла от первой брачной ночи с нашим господином.

А вот тут мне обидно стало. Да, я не обладаю мощным телосложением, но и не худышка-коротышка. Росту во мне сто семьдесят сантиметров, килограммов аж целых пятьдесят пять! И да, я вполне крепкая, поскольку регулярно занимаюсь йогой и бегом.

— Посмотрим ещё, кто кого, — буркнула я исключительно из чувства противоречия.

Остаться во сне до момента непосредственного соития я точно не собиралась. Так, гляну, что тут у них за СПА-комплекс, может, на сам брачный ритуал задержусь, а потом обратно в реальность. В конце концов, грядёт понедельник, мне к первой паре, значит, вставать в шесть утра.

— И зачем он тащит в постель, кого попало? — вздохнула бой-баба, ни разу мне не поверив. — Да его не каждая орчанка выдержать может, только самые крепкие, а он то эльфийку в жёны возьмёт, то человечку, то смеска. Вот кто из них по итогу выжил? Только та полудраконица-получеловечка, и то вечно бледная ходит.

Да, тяжела и неказиста жизнь любителя экзотики.

— Слушай, а как тебя зовут? — спросила я исключительно ради смены темы.

Ну не прельщало меня выслушивать местные страшилки. В конце концов, я всё равно тут ненадолго, так зачем травмировать и без того расшатанную дивными видениями психику?

— Урлан, — буркнула женщина.

Я даже не сразу поняла, что это было имя, а не урчание или ругательство.

— Приятно познакомиться, я — Рита. А как вашего господина именовать?

— Грозный повелитель Степи, карающая дубина возмездия, великие яйца орлана... — на очередном эпичном эпитете я не выдержала и хрюкнула от смеха.

Правда, поймав полный гнева взор, я сделала вид, что кашляю.

— Великий и ужасный Грох-Батыр! — закончила свой спич Урлан.

— Горбатый упыр, — пробурчала себе под нос возникшую в голове рифму.

Судя по тому, что на меня даже не взглянули, фразу не расслышали. Наверное, оно и к лучшему.

Впрочем, уже через пару секунд мне стало не до сарказма, ибо мы вышли из шатра. Да-да, оказывается, всё это время я находилась внутри огромной юрты (или как тут правильно называются жилища), а вот стояла она посреди чистого поля да под палящим солнцем. У меня даже мушки перед глазами залетали от резкой смены освещения.

Кое-как проморгавшись, я, наконец, смогла хоть что-то разглядеть. А посмотреть было на что! Среди конусообразных жилищ сновали дети, они носились друг за другом с криками и визгами, так и не подумавшись, что с ними что-то не то. Но оно — это не то — было! Их кожа зеленела под солн-

цем даже ярче, чем у взрослых, сами они отличались крепким телосложением, а ещё в их руках было самое настоящее оружие. Не деревянное, не пластиковое, как принято у нас, а металлическое.

А как же техника безопасности? А если они в глаз кому-то ткнут?

Путаясь у детей под ногами, сновали мохнатые собаки всех оттенков бурого. На нас, слава Богу, внимания никто не обратил, а то не хватало, чтобы меня со всех сторон обнюхали, облизали, а то и вовсе пожевали. Нет-нет, пусть скачут дальше по своим детским и собачьим делам, а мне бы до местного СПА как-нибудь добраться.

Идти до нужного места оказалось совсем недалеко, видимо, ради комфорта Горбатого Упыря, или как там зовут главного зеленомордого хана, расстарались. Им оказалась такая же конусообразная палатка, какую мы покинули минуту назад, внутри которой обнаружился круглый очаг из камней, огромная бочка с водой, парочка фляг, лавка да небольшой столик со всевозможными горшочками и бутылочками.

— Давай, снимай с себя свои странные тряпки и полезай в воду, — скомандовала Урлан.

И только сейчас я поняла, что одета ну о-очень вызывающе. То чёрное платье, в котором я пошла на день рождения подруги, оказалось порванным по боковым швам и сейчас напоминало скорее тунику, которую надо по идее надевать с легинсами или джинсами скинни. Ботинки я где-то потеря-

ла, а капроновые колготки пестрели дырками и стрелками. М-да, и где я успела их так ушатать?

Вздохнув, я принялась-таки раздеваться, ибо помыться ну очень хотелось. О, какое счастье – залезть в тёплую воду и расслабиться! Наверное... Но это точно не про меня, потому что стоило мне погрузиться в бадью, как произошло сразу две вещи. Эта зелёная гримза бросила всю мою одежду, включая бельё, в очаг, где она мигом вспыхнула, оставив после себя горстку пепла. И не успела я этому факту возмутиться, как мою спину жутко защипало. Не всю, а верхнюю часть, словно на рану перекиси плеснули.

— Да что ж такое? — возмутилась я, тщетно пытаясь разглядеть, что там у меня на спине.

К сожалению, увидеть я ничего не смогла, а зеркала здесь не имелось. Пальцы наткнулись на какую-то плёнку, которую я не рискнула сдирать. Господи, что случилось с моей спиной? Может, зелёную тётку спросить, раз уж она никуда не уходит, напротив, подбирается ко мне с какой-то склянкой.

— Урлан, будь добра, посмотри, что там у меня на спине? — Я повернулась к ней нужной стороной, сама же обратила внимание, что шатёр имеет оригинальную систему освещения.

Это не окна, не лампочки (да и откуда им взяться посреди степи?), не свечи и не факелы. По периметру шатра примерно в метре друг от друга стояли подставки, на которых лежали светящиеся яйца. Уж не того ли орлана, с которым

связывают местного хана? Как там Урлан говорила? Грозный повелитель степи, карающая дубина возмездия, великие яйца орлана. Наверное, это они и есть. А великие, потому что светятся!

— У тебя линька, — торжественно объявила моя новая знакомая. — Ща уберу.

Она дёрнула за плёнку, доставив мне массу незабываемых ощущений.

— А-а, не трогай меня! — заорала я благим матом.

Ибо незабываемыми ощущения стали благодаря пятидесяти оттенкам боли.

— Да всё, не ори, вот твоя шкура, — непробиваемая тётка протянула мне прозрачную плёнку.

Что она делала на моей спине – не понятно. Как она там оказалась и для чего – не известно. И почему мне так больно, знает только Урлан, но она молчит.

— Что там?

— Рисунок. Бабочка, но почему-то золотая.

— Рисунок? — я вновь завела руку за спину, аккуратно прикоснулась к больному месту.

Ничего не понятно!

— А чем нарисовано?

— Я откуда знаю, — пожала плечами Урлан. — Выглядит так, словно тебе золота на спину налили тонкими струйками, причём горячее, судя по воспалившейся коже.

О, Боже. Налили золота? Прямо металла? Поэтому так и

болит? Но как я так умудрилась? И главное – зачем?

— Не бойся, у меня эликсир хороший есть, мигом все пройдёт, — успокоила меня зелёная богатырша и влила в воду содержимое пузырька, который держала в руке.

О, как я завизжала, чуть палатку не снесло! Я думала, что мне больно, когда с меня сдирали плёнку? Нифигашечки! Вот сейчас я действительно почувствовала, что такое боль. Знаете, и голова как-то резко прошла, точнее, отошла на задний план.

Я попыталась выскочить, но мне не дали – удержали за плечи, приговаривая:

— Тише, сейчас всё пройдёт, как новенькая будешь!

— С меня сейчас кожа слезет! — орала я, но всё было тщетно.

Что самое удивительное, кожа почему-то не спешила слезать, более того, боль в спине стала утихать, а потом, когда я перестала дёргаться, мне сунули в руки ещё один флакон и приказали вымыть голову.

— Потом притирания, обработка волос и примерка свадебного платья, — постановила Урлан. — Не благодари.

Если честно, я дошла до той кондиции, когда неплохо было бы проснуться, но сон всё не заканчивался. Я и руку пыталась щипать, и ногу, и даже за уши себя подёргала. Боли не было, но прикосновения ощущались. Странно. Может, это эликсир, вылитый Урлан, так подействовал? Спина-то тоже перестала болеть, даже когда я к ней прикоснулась.

— Вылезай, время притираний! — поступила команда, и я даже не стала сопротивляться.

Меня окутало спокойствие, видимо, этот эликсир ещё и с седативным эффектом. Вместе с зелёной тёткой мы выбрали ароматное масло – запах напоминал мой любимый миндаль – и я принялась втирать его в кожу. Для волос мне подали уже совсем другой флакон, видимо, с местным аналогом арганового масла, которое я и дома иногда использовала. А после того, как я, по мнению Урлан, достигла нужного уровня ухоженности, мне показали свадебное платье.

Да-а, такого в своей жизни я точно не видела! С другой стороны, это же зелёные качки, кажется, в нашей мифологии они именуются орками. А какие орки, такое и свадебное платье...

Дорогие мои!

Я вернулась из творческого пике с юмористической новинкой!

Идею мне подсказала дочка, писать тоже она мне помогла, за что ей огромное спасибо.

Держите обложечку в хорошем качестве полюбоваться:

Глава 2. Волшебное платье

— Что это? — я смотрела на кожаное нечто и пыталась понять задумку дизайнера.

Единственное, что не вызывало сомнений – в этой штуке точно не страшен укус местной собаки. Её зубы попросту завязнут в коже, а то и вовсе отскочат в обратном направлении. Если его поставить стоймя, а самой пролезть под подол и присесть на корточки, то получится мини-юрта.

Не платье, а бронебойный доспех! Видимо, чтобы невеста точно осталась нетронутой до начала первой брачной ночи. Причём не только посторонними (мало ли, вдруг кто-то захочет украсть деву из-под носа незадачливого жениха и сорвать цветочек первым), но и собственным новоиспечённым мужем. И дело не только в конусообразной форме, но и в «украшениях». То там, то сям свисала бахрома, на концах которой брякали бубенчики, подол устилал волнообразный узор из яркого разноцветного бисера, увидев который, я захотела проморгаться.

Верх платья и вовсе украшал... бронелифчик.

— И как это надеть, а потом носить? — я с сомнением колупнула элемент бронелифчика, а потом и вовсе заглянула внутрь. — Как бы мне без груди не остаться...

А, нет, внутри всё-таки не металл, а слой кожи. Лучше, конечно, но без бюстгалтера, боюсь, мой полноценный вто-

рой размер сотрется до нулевого.

— Вот зачем ты сожгла моё бельё? Как я буду надевать ЭТО на голое тело?

Ой, кажется, я что-то не то сказала, ибо глаза у Урлан так сильно выпучило, я испугалась, что они не удержатся в глазницах и выкатятся, как у брахицефалов. Она даже дар речи на время потеряла, только клыкастой челюстью клацала.

— Ну, ты и дура! — припечатала она, в конце концов, и протянула мне... длинное белое платье с округлым воротом и пышными рукавами. — Надевай!

— А это тогда что? — Я указала на шедевр местного зодчества.

Ну а что, учитывая, что они живут в юртах, именно к зодчеству это платье и относится. Просто размеры слегка поменьше.

— А это верхнее церемониальное платье! — рявкнула Урлан. — Большая честь в таком замуж выходить!

— Честь оно точно сбережёт, тут и не поспоришь, — не удержалась от сарказма.

Уж больно кринжово всё выглядело. Интересно, а на ноги мне наденут железные сапоги и заставят обойти всю степь, пока не сотрутся? Как в той сказке про Финиста ясна сокола.

— Да что б ты понимала, залётная, — зло сплюнула зеленомордая. — Это платье из кожи саблезубой лошади, которую в своё время заарканила сама великая Бойбара — мать Грох-Батыра! Она лично его сшила и вышла в нём замуж.

Великая орчиха была, не то что некоторые!

Ага, то есть платьишко со стажем...

— И все предыдущие сто пятьдесят жён Горб... Гроха тоже в нём выходили? — Ой, кажется, я попала в десятку.

— Да, это великая честь! — сказала, как отрезала.

Нет, ну честь так честь. Кто ж спорит? Пойди, поймай эту саблезубую лошадь, освежуй, доведи до ума, так сказать.

— Интересно, а бронелифчик она тоже сама ковала? — я ткнула пальцем в конусообразную защиту груди.

— Её брат — великий кузнец Мурдух! Мой отец, между прочим.

А, то есть она — двоюродная сестра Горбатого Упыря? Ясненько, понятненько...

— Хм, а если кому-то платье по размеру не подойдёт? — Мне, например.

Кстати, а ведь оно мне великовато! Я так увлеклась разглядыванием этого «великолепия», что упустила из виду столь существенную деталь. Правда, и для орчихи оно не сказать, чтобы по размеру, та же Урлан значительно крупнее, нежели платье. Сомневаюсь, что великая Бойбаба, которая смогла на скаку остановить не просто лошадь, а нечто саблезубое, отличалась особым изяществом.

Что-то тут нечисто...

— Оно подлаживается под размеры невесты, — недовольно буркнула Урлан. — Бойбара была великой кудесницей!

— Ага, то есть сейчас оно того размера, каким обладала

предыдущая, сто пятидесятая жена? — дотошно уточнила я.

— Да, почти такая же доходяга была, как и ты, — фыркнула орчиха. — В родах давеча померла.

А вот тут мне стало как-то нехорошо. Какие нафиг роды? Я и первую брачную ночь не переживу с таким бугаём. Э, нет, пора отсюда сваливать, когда там будильник прозвенит?

Как назло, сон всё длился и длился. Пришлось надевать белое платье, сверху супер-экслюзив от будущей свекрови, который, к слову, реально сжался до моих размеров и сел словно влитой. В целом неплохо получилось, хоть и тяжело. Рукавов у бронелифчика не было, поэтому движения рук ничего не сковывало. Как я уже говорила, у нижнего платья рукава были широкими, собранными у запястья под манжету. А вот нагибаться в этом чуде было попросту невозможно, как и задрать нормально юбку, чтобы обуться.

Упс, недочёт вышел.

— Чоботы невесте не положены, — объявила мне Урлан. — Сначала тебя на носилках понесут, а до священного камня по половику пойдёшь.

— Это чтобы далеко сбежать не смогла от великого счастья? — Я не удержалась от ехидства.

— А то! — столь же ехидно ответили мне.

— Слушай, а у вас всех незнакомых девушек принято за Грох-Батыра отдавать? — поинтересовалась я. — Он ведь даже словом со мной не перемолвился, видел только в лежащем виде, разве так жену выбирают?

Хоть бы отбор невест какой устроил, конкурсы там всякие, я бы с удовольствием продула.

— Грох-Батыр имеет право первого мужчины! — Урлан фыркнула и напыщенно подбоченилась. — Все девицы племени, достигшие возраста «распустившийся бутон», и те, кого привела к нам Степь, выходят за него замуж.

— Что? — А вот теперь у меня глаза норовили выпасть, как у брахицефалов. — Все? А другие мужики что делают?

Да я бы на их месте давно прикопала такого правителя! Устроила бы ему тёмную. Как так — все бабы его? А дети?

— Если жена не понесла в первый месяц брака, её может выкупить другой мужчина, — продолжила шокировать меня местными нравами Урлан. — Взять жену после Батыра — великая честь!

— Хм, в таком разе странно, что я у него всего лишь сто пятьдесят первая. — Насколько я успела рассмотреть окружающее пространство, юрт было о-очень много.

Насколько много — тут не возьмусь судить, но уверена, что племя большое. Это видно и по убранству палатки — меха, куча оружия, сундуки явно не пустые, всякие прибамбасы на стенах развешаны. Значит, не бедствуют, значит, много воинов, скота и прочего.

— Сто пятьдесят первая из тех, кто жив и находится в статусе жены, — уточнила Урлан, и я поняла, что не ошиблась.

Племя реально большое. Да просто огромное, учитывая, что надо кормить сто пятьдесят жён хана, которые все имеют

ребёнка, а то и не одного. Капе-е-ец...

— Ага, то есть платишко это надевали все, кому ни лень, — я брезгливо передёрнула плечами, радуясь, что на мне поддето нательное платье, и только поверх него ритуальная броня. — Кстати, а как же сёстры? Неужели и они выходят замуж за брата? А племянницы? А дочери?

На меня посмотрели, как на умалишённую.

— Кровную родню великого Грох-Батыра может получить только тот воин, который совершил большой подвиг. Это великая награда! — Урлан так сильно выпятила грудь, видимо, чтобы я не сомневалась, что награда действительно велика.

И в прямом, и в переносном значении.

Нет, и всё-таки не понятно. С точки зрения генетики через пару поколений начнутся кровосмесительные связи, тем более, если власть передаётся по наследству.

— Слушай, а главным тут кто становится? Старший сын бывшего Батыра?

— Нет, конечно, — фыркнула Урлан. — Всё решает сила, ловкость, ум и Дух Степи.

О как!

— А что за дух? — вот это реально интересно.

— На свадьбе сама увидишь, — отрезала степнячка. — Иди лучше попей воды, пока на ритуал не позвали.

— Да я бы и от перекуса не отказалась, — в животе, как по заказу, тут же заурчало.

Урлан смерила меня презрительным взглядом, потом

хмыкнула что-то вроде: «Помрёт доходяга ещё до свадьбы, оно мне надо?» — и таки повела меня обратно в главную палатку. Там нашлась и вода (со специфическим привкусом, но вроде не отравя), и еда: мясо, какие-то корешки, пресная лепёшка и солёный сыр. Не сказать, что было вкусно, но голод — не тётка. Надеюсь, что мой живот это выдержит, а то что-то затянулся сон, не хотелось бы добавлять неприятных ощущений.

— Поела? Теперь украшения. — Урлан взяла со стола красивую, искусно вырезанную из красного дерева шкатулку, открыла её и подала мне...

Кхм, назовём это свадебным ожерельем. Из натуральных материалов.

— Это?..

— Ритуальное украшение из клыков саблезубой лошади, — торжественно произнесла она.

— Это ж какая у неё была пасть, раз столько клыков? — Ожерелье было ну очень весомым.

Зубы размером с мои пальцы, а некоторые даже больше. Нанизано всё это великолепие на чёрный конский волос, а уж как брякает — заслушаешься. Особенно прекрасен звук от соприкосновения с бронелифчиком.

Тук-тук, туки-тук.

— Теперь причёска, — довольно потирая руки, ухмыльнулась Урлан. — Волосы как раз подсохли, пора плести косы. Курвалда, заходи!

Кто? Курвалда? О, Боже, ну и имечко. А девушка, кстати, вполне симпатичная, в отличие от Урлан. Почти не зелёная, очень стройная и ладная. Пальчики проворные, вон как быстро косы начала плести, даже приятно стало.

— Сколько кос получится, столько детей тебе родить, — комментировала Урлан процесс плетения.

Учитывая, что косички выплетали достаточно мелкие, я ужаснулась. Я не против детей, отнюдь, но, во-первых, не от местного быка-осеменителя всея Степи, а во-вторых, не в таком количестве. Два, ну, максимум три и достаточно. Потом, в реальной жизни, когда университет закончу и найду себе нормального мужчину с моногамным взглядом на брак. В брюках!

— Готово! — пискнула Курвалда спустя час или около того.

Я, если честно, слегка задремала – настолько приятными были её прикосновения.

— Отлично, значит, ещё успеем тебя подкрасить, а то совсем бледная. — Кажется, Урлан взялась сделать из меня максимально привлекательную невесту.

По местным меркам красоты, разумеется.

Сопротивляться я не стала – не видела смысла. Пусть хоть зеброй разрисует, всё равно не по-настоящему. Да и зеркала здесь нет. И телефона у меня с собой не имелось, что лишний раз подтверждает, что это сон. Вот без него я точно не могла никуда попасть – держу его всегда при себе.

Как ни странно, но я ошиблась. И в художественных способностях зелёной тётки, и в том, что здесь нет зеркал. Очень даже есть – металлические. И моё отражение мне понравилось – я выглядела самой настоящей амазонкой. Выразительные смоки айз мне нарисовали так, будто учились у лучших визажистов. Губы подчеркнули каким-то бордовым красителем, а скулы выделили эффектными штрихами, словно я – Рэмбо.

Стиленько, особенно в сочетании с бронелифчиком.

— Ну что, орки, я готова! — воинственно провозгласила я, приняв эпичную позу: руки в боки, грудь вперёд, подбородок вверх.

— Тогда танцуй к выходу, готовая, — хмыкнула Урлан, хлопнув в ладоши.

А руки у неё были ого-го, поэтому вышло громко и даже грозно.

М-да, забористая у меня фантазия, раз такая дичь снится. С другой стороны, мне опять стало интересно – что же дальше?

Глава 3. Свадьба, с которой я сбежала

А дальше было море зеленомордых орков и орчанок разной степени свирепости и волосатости. Хорошо, что у меня не было с ними непосредственного контакта, ибо едва я вышла из шатра, меня водрузили на носилки. Большие такие, массивные, с подушками для спины. Правда, платье плоховато подходило для сидения, но подол всё же гнулся, в отличие от бронелифчика.

После того, как я с трудом, но кое-как умостилаьсь, носилки подняло четыре огромных бугая, от одного вида которых мне становилось дурно. Хорошо, что у тех, кто шёл впереди, я видела лишь коротко бритые затылки, а на других я принципиально не оборачивалась. Лишь слушала их пыхтение порою переходившее в фыркание.

— Смотри, какая доходяга, — презрительно прокомментировала одна из орчанок, мимо которой мы как раз проходили.

Ну да, куда мне с такой громиллой тягаться, если только соперничать в густоте волос, у той они были так себе. У Урлан гораздо лучше грива, кстати. Да и на морду лица она симпатичнее. И платье у моей помощницы было интереснее: ткань более качественная, отделка побогаче. У этой же обычная

холстина, которую украшала разве что шнуровка на груди.

Да, всё познаётся в сравнении, прав был старик Ницше. Теперь и Урлан мне мила стала, а ведь ещё какие-то полчаса назад я считала её жуткой.

— Зато глаза красивые и на лицо симпатичная, — отозвался какой-то молодой орк, тут же получив от боевой бабы затрещину.

Бедняга, у него аж зубы клацнули от силы удара.

— Что б ты понимал, молокосос? — презрительно фыркнула её подруга — не менее боевая орчанка, только ростом немного поменьше. — От крепкой женщины рождаются крепкие дети, а от доходяги такая же сдыхоть и выйдет. Если она вообще не помрёт в процессе.

Надо же, какие добрые, продвинутые в генетическом сортинге люди. Ой, точнее нелюди. Даже странно, что меня в принципе посчитали достойной брака с Батыром, а не пустили в расход, как бесперспективный элемент генофонда. Можно сказать, дали шанс, пусть и мизерный.

— А я б не отказался от такой, — алчно облизнулся какой-то орк с такой жуткой мордой, что я чуть с носилок не соскочила, чтобы удрать куда подальше.

Глупо, ведь именно они в данный момент защищают меня от толпы.

Кстати, я реально оказалась права насчёт того, что племя большое. Меня несли и несли, а народ всё никак не заканчивался. Каждому нужно было посмотреть на меня, высказать

своё мнение. Столько «комплиментов» я ещё никогда в свой адрес не слышала. И голова у меня маленькая, как следствие, тупая. И шея тощая, а руки — одной левой переломить. Хорошо, про ноги ничего сказать не могли — их надёжно скрывал полог бронепокрывала. Я даже ступни спрятала, а то и их бы обоср... обсудили.

Сначала мне было обидно, чуть слёзы не полились, но потом, поймав презрительный взгляд от такой страхолюдины, которая даже по местным меркам не особо котировалась, я успокоилась. Вспомнила Дюймовочку, которую жучихи буллили за тонкую талию и отсутствие усов, и выдохнула.

Если честно, я так устала от шума, что когда мы, наконец, достигли огромного камня, воткнутого посреди степи, то обрадовалась от всей души. Толпа расступилась, носилки опустились, мне подали руку, за которую я с благодарностью ухватилась. Урлан — это была она. Почти родная после всего пережитого. Она помогла мне подняться, сделать шаг в сторону половика, который разноцветной дорожкой лежал на траве, после чего отпустила.

— Иди, как там тебя зовут, тебя ждёт обряд. — Она улыбнулась, отчего я решила не обижаться на то, что она забыла моё имя.

Потому что улыбка была вполне нормальная, особенно если сравнивать её с другими.

— Ладно, — кивнула я ей и двинулась по половику в сторону камня.

О, это был самый настоящий гигант! У нас такие камни дольменами называют, насколько я помню курс истории. На нём были начертаны какие-то письмена, что добавляло ему археологического шарма.

Вокруг камня на расстоянии длины половика стояла толпа разномастных женщин и детей. Не знаю почему, но на меня снизошло озарение, что это жёны и дети Грох-Батыра. В общем-то, логично, кому ещё тут быть?

— Интересно, как они относятся к новой конкурентке? — буркнула себе под нос, и сама же мысленно ответила на вопрос: — Привычно. Тут же круговорот женщин в постели хана, кто забеременеет, та и в дамках.

Хотя, как по мне, то так себе дамки. Лучше уж потом нормальную семью построить, где у мужа одна жена, а не сто пятьдесят, и это цифра постоянно меняется. Тут прибыло, там убыло, дети опять же. Суровые условия быта, местные нравы, которые позволяют бегать детям с настоящим оружием. Насчёт медицины понятия не имею, но сильно сомневаюсь, что она здесь прогрессивная.

Погрузившись в размышления, я сама не заметила, как дошла до камня. Что характерно, жениха, мнущегося в ожидании невесты, там не имелось, но я ничуть этому факту не расстроилась. Наоборот! У меня появилась возможность рассмотреть надписи. Пусть не сразу, ибо буквы были начертаны стилизовано, но я смогла прочесть, что за мудрость там увековечили...

В траве сидел кузнечик,
В траве сидел кузнечик,
Совсем как огуречик
Зелёный он был!

Да, эта мудрость всем мудростям мудрость! Я бы даже сказала – ПРЕмудрость.

С другой стороны, это же степь, а в степи водится множество кузнечиков. Насколько я помню из энциклопедии, там какие-то brutальные самки серьёзных размеров с шипами вместо бодипозитивных волос. Настоящие машины для убийств от прямокрылых. О, а вот и одна из них – уселась на вершину камня и смотрит на меня своим задумчивым взглядом.

А какие у неё шикарные усы...

— Привет, — я нервно хихикнула, понимая, что выгляжу странно, разговаривая с кузнечиком, но не могла не поздороваться с этой красоткой.

Она была крупной, сантиметров пятнадцать в длину, пронзительно зелёная с такими острыми шипами, что я не рискнула протянуть к ней руку. Её светло-жёлтые глаза с чёрными точками зрачков смотрели прямо в душу, порождая в ней древний инстинкт.

Завизжать, взять тапочек и прибить.

Я сдержалась, ибо тапочка не было как данности. Не бронелифчиком же с ней бороться. Так, стоп, мне показалось, или она приветственно помахала мне усами?

— Как думаешь, я скоро проснусь, или мне всё-таки предстоит пережить незабываемую ночь оркской любви? — Я нервно оглянулась, не понимая, где же мой будущий муженёк ходит.

Странно как-то, почему у камня меня встречает кузнецик, а не тот, кто жаждет новой женщины? Хотя, может он и не жаждет, просто обязанности такие. Интересно, а Грох-Батыр может отказаться от своего права первенства на свободную самку (мало ли, лицом не очень или зубы слишком кривые), или это опозорит его мужественность?

— Смотри на меня! — раздался чей-то грозный глас.

Я вернула свой взгляд на камень и обнаружила, что возле него стоит ну очень эффектная орчанка. Кожа ярко-зелёная с жёлтыми крапинками веснушек, сама высоченная, но не накачанная, как та же Урлан, а сухопарая. На голове высокий хвост белых волос. Точнее седых, насколько я поняла, среди орков нет блондинов. Все, кого я сегодня встретила, имели чёрные волосы.

Одета шикарная женщина была не в кожу и не в домо-ткань, а вязаный шерстяной плащ песочного цвета. Весьма симпатичный, он сидел на ней очень стильно. Из-под полы плаща выглядывал подол бордовой юбки, украшенный за-тейливой вышивкой. Надо же, как всё со вкусом сделано, не то что моё бронеplate.

Увлёкшись разглядыванием, я не заметила, как сзади кто-то подошёл, поэтому, когда над моим ухом раздалась коман-

да: «Начинаем!» — я даже подпрыгнула. Правда, не высоко, уж больно платье тяжёлое.

Оглянуться мне не дали, положили на плечи тяжёлые руки, я даже немного присела от нагрузки. Плюс к платью это было уже чересчур. Руки, к слову, были горячие, да и спину ощутимо грело.

— Сейчас принесут ритуальный сургум, и начнём, — ответила ему женщина.

— Гавр! — в этот раз крик был такой силы, что я окончательно присела.

Если бы не бронеplate, то получился бы полный присед, а так вышло не совсем удобно. Впрочем, долго я в таком состоянии не пробыла, мощные руки опустили на предплечья и подняли меня обратно.

Вот вроде бы помог, тепло от него, но мне совсем не приятно, а по спине и вовсе потекла противная струйка пота. Ещё и лица не видно, не понятно, кто там вообще трётся. Нет, ясно, что это Грох-Батыр, но я у него видела только ноги и спину. Даже причёску не разглядела! Точнее, я видела лысый затылок, но мало ли, вдруг у него спереди чёлка имеется?

Пока я переживала насчёт хана, не заметила, как рядом с женщиной появился ещё один орк. В руках он держал поднос, на котором чего только не было. Огромный фрукт (а может и овощ, кто их, орков, знает) насыщенного синего цвета, формой напоминавший ананас соседствовал с приличных

размеров ножом и увесистым дрыном.

Кхм, надеюсь, меня тут не собираются бить и резать? А потом сожрать под ананасовым соусом. Что-то как-то не хочется подвергаться насилию, пусть это и не по-настоящему.

Как назло, полотенце, лежавшее там же, только усугубляло мои ассоциации, ибо как раз пригodiлось бы после ритуальной трапезы – губы да руки вытереть. К слову, оно было кипенно-белым, что удивительно, учитывая полевые условия. С другой стороны, что я знаю о местных порядках? Как минимум то, что у них есть банный шатёр, а это весьма прогрессивно в плане гигиены. Да и содержимое того флакона, который Урлан влила в воду, оказало на мою пострадавшую спину (понять бы, что вообще с ней случилось) оздоровительный эффект.

Так что не стоит делать поспешных выводов. И не стоит развивать свои фантазии в сторону живодерства, сказали же, что будет свадьба, вот и нечего себя накручивать!

Ой, кажется, я слишком углубилась в себя и отвлеклась от сейшена. Пока я маялась дурыю, Гавр с подносом подошёл к седовласой женщине. Та, придиричиво оглядев содержимое, взяла с подноса ананасоподобный фрукт, а в другую руку нож, отчётливо напоминавший тесак.

Хрясь!

Мощным отточенным ударом она отрубила основной плод от кустистого хвоста, который упал четко в центр подноса. Да она джедай восьмидесятого уровня – не меньше!

Или профессиональный живоде́р, учитывая, как она деловито принялась вырезать внутренности фрукта. Мякоть у него оказалась алого цвета, я даже вздрогнула из-за схожести его сока с кровью, который оросил белое полотенце характерными каплями.

— Режь! — неожиданно резко вскрикнула она, повернувшись к нам и протягивая тесак в мою сторону.

Я буквально оторопела от её выпада. Впрочем, оказалось, что нож предназначался не мне, а Гроху. Вот кто ни разу не растерялся, напротив, он ловко взял тесак за рукоятку, второй рукой схватил мою ладонь и точным, но удивительно аккуратным движением надрезал кожу.

Я только пискнуть успела от возмущения.

— Не ныть! — раздалась над ухом резкая команда.

Учитывая особенности его голоса, прозвучало просто жутко. Не менее жутко выглядела моя кровь, которую ушлая тётка принялась сцеживать внутрь псевдоананаса. И когда успела подойти?

Такое чувство, что они все тут двигаются быстрее, чем я успеваю их отследить. Или дело в моей заторможенности? Всё же это сон, плавно переходящий в кошмар.

Или всё-таки явь?

Нет, такого точно не может происходить в реальной жизни, поэтому не стоит сильно бояться. Наверное...

— Теперь твоя, — приказным тоном выдала она Гроху.

Тот наконец-то отцепился от меня, шагнул вперёд и тоже

приступил к кровопусканию. Вот тут-то я его и разглядела! Мамочки, чтобы я за такого замуж да в трезвом уме? Ни за что! И в нетрезвом тоже.

Начнём с того, что этот громила был полностью лысым. Не то чтобы я отвергала данный вид причёски, точнее её отсутствие, но тому же Стэтхэму шло больше. А у этого была такая бугристая форма черепа, что её лучше скрывать под волосами.

И это только начало!

Черты его лица были от природы грубы, плюс бурная боевая жизнь добавила харизмы. Не буду описывать форму носа, челюсти и прочего, поберегу ваше чувство прекрасного. И сама постараюсь забыть, как только выберусь отсюда.

Что касается фигуры, придраться было не к чему. Всё рельефно, хотя и там имелась масса шрамов. Ужасали габариты.

Из одежды на нём присутствовала всё та же бронеюбка с кучей колюще-режущего оружия на поясе, сапоги и массивный камень фиолетового цвета, подвешенный на цепь. Что-то вроде кулона, но такой большой, что можно легко перепутать с ещё одним видом оружия. Если его снять, раскрутить и бросить, то пролом черепа противника обеспечен.

Завершающим штрихом его и без того впечатляющего образа было массивное кольцо, вдетое в правую ноздрю.

— Великая Степь, мать всего сущего, — завывала женщина, судя по всему, жрица. — Мы собрались у Вечного Камня,

чтобы соединить твоего Главного Сына – Грох-Батыра с его новой женой.

Если честно, я глаз не могла от неё оторвать. Она была прекрасна в своём естестве! Такая дикая, такая уверенная в том, что делает, хоть картину с неё пиши! Для иллюстрации дикой степной шаманки в процессе жертвоприношения.

Постепенно от речетатива она перешла к полноценному пению. Довольно заунывному, но о-очень проникновенному. В ней она призывала уже не только Степь, но и Ветер, что бы тот, как полноценный свидетель, зафиксировал факт брачевания, а потом разнёс по всему миру, что у Грох-Батыра новая жена.

Правда, я сильно сомневалась, что миру этот факт интересен, но раз просит, то и пусть. Ветер, кстати, действительно подул сильнее, то ли из-за призыва, то ли просто так совпало.

— Небесная вода, призываю тебя-а... — тем временем жрица продолжала песнопение. — Прелейся на нас благодатью, даруй этой паре плодородие!

Она экзальтированно вскинула голову, руки с синим ананасом, внутри которого перемешивалась наша кровь, подняла к небесам и призывно закурлыкала.

— Ого, как она может! – я во все глаза смотрела на её рот и горло, поражаясь, насколько велики их возможности.

Там так всё играло, вибрировало, в какой-то момент мне показалось, что на шее откроются жабры, и она закурлыкает

особо забористо. Но нет, никакой альтернативной анатомии не обнаружилось, зато над головами начали сгущаться тучи.

Та-ак, а вот это мне уже совсем не нравится...

— Огонь, озаряющий домашний очаг, согревающий холодными ночами, снизойди! — возопила она, хватая с подноса дрын.

Фу-у-ух, у меня аж от сердца отлегло. Это не дубина для воспитания непослушной жены, а факел! И он таки вспыхнул, потому что из тучи, что сгустилась над нами, сверкнула молния. Она ударила точно в цель, заставив меня не просто вздрогнуть, а заорать благим матом.

— Да что, мать вашу, вы тут творите?!

— Наш союз благословили стихии, — довольным голосом пробасил мой без пяти минут муж.

Огромный, зелёный, лысый муж! Да я лучше до конца жизни останусь девственницей и скончаюсь в окружении со-рока котов и двадцати собак, чем вот это вот всё! Согласна на десять попугайчиков в придачу, лишь бы выбраться отсюда.

— Испей из чаши священного сургума! — вновь возопила жрица, протягивая синий ананас с кровавым содержимым.

Его принял Грох, склонил голову, прикоснулся к нему лбом, а потом сделал большой глоток. Довольно улыбнулся, облизал красные губы и протянул эту гадость мне.

— Твоя очередь! — с нажимом произнёс он, видя, что я пытаюсь шланговаться.

Дрожащими руками я приняла у него эту дрянь, сама же

пыталась сообразить, как бы отмазаться от распития посторонней крови. Да и свою не больно хочется пить. И вообще, пора бы уже просыпаться, сколько можно дрыхнуть?!

И тут случилось одновременно несколько событий. Ветер подул, развевая мои тридцать три косички, или сколько их там наплели, факел вспыхнул особенно ярко, а сверху полил дождь.

Что характерно, огню он нисколько не мешал.

— Пей! — властно приказала жрица, чьи глаза словно вспыхнули от внутреннего света.

И вот тогда-то на меня обрушилось понимание, что это не сон. Всё, что сейчас происходит – по-настоящему! Как так вышло, что я оказалась здесь в столь экзотичной компании – это отдельный вопрос, но в то же время непреложный факт. Поэтому хватит плыть по течению, пора делать ноги!

Но как? Вокруг толпа зеленомордых громил, рядом самый главный громила, а вокруг происходит какая-то непонятная дичь со стихиями.

Мамочка, как же страшно! До жути, до дрожи в кишках, до жжения в спине. Ах, как же сильно жжется, словно кроме факела загорелось нижнее платье, причём не полностью, а именно на спине, где теперь красуется непонятно откуда взявшийся рисунок.

— Держи её! — верещит жрица.

— У-у-у, — завывает ветер.

— Ш-ш-ш, — шуршит дождь.

— Трск, — трещит огонь.

— Нет! — ору я, в отчаянии бросая ананас в орка.

Его подхватывает ветер, возвращает мне обратно, но не в руки, а нахлобучивает на голову. По коже текут противные струйки крови, а мне кажется, что теперь я горю полностью, а не только спина.

Больно! Страшно! Хочется подпрыгнуть и улететь от этого кошмара. А ещё лучше оказаться в родной квартире под одеялом, и пусть из орков будет только кукла Шрека, которую мне когда-то подарил дядя Игорь.

В какой-то момент голова отказывается продолжать осознавать весь этот кошмар, и я погружаюсь в долгожданный обморок.

Глава 4. Эльфийский суд, или птичку жалко

Новое пробуждение, несмотря на моё жгучее желание по-пасть в родную постель, оказалось ещё более оригинальным, нежели предыдущее. Очнулась я на... огромной ветке.

— Да чтоб вас всех! — выругалась под нос.

Сделала это тихо, а то мало ли, что за обстановка вокруг. Пока ничего не понятно, вижу только огромную ветку неизвестного мне дерева, на которой я поместилась целиком, словно на кровати. Правда, лежать жестковато, но зато замуж выходить никто не заставляет. Вокруг шуршат листья размером под стать веткам, редкие лучи солнца пробиваются сквозь толщу зелени, между которыми снуёт деловитый паук размером с мужской кулак.

Жирненький такой, пушистенький, напоминающий черно-оранжевым окрасом тигра.

Терпеть не могу пауков. Более того, боюсь их до дрожи! Именно поэтому давно их изучила и знаю одно из главных правил поведения при встрече с ними – не дёргаться. Не тыкать в них пальцем, обойти стороной и внимательно смотреть вокруг, чтобы не вляпаться в новую паутину.

М-да, из всего вышеперечисленного, учитывая моё положение, мне доступно только первое – не дёргаться. Уходить

особо некуда, понять бы вообще, где я сейчас нахожусь, и не станет ли паук наименьшей проблемой. Ибо если его сравнить с теми же орками, то это так, мелкое неудобство.

Пока я следила за пауком, на ветку присел ещё один представитель местной фауны – маленькая, очень симпатичная птичка. Её красные пёрышки отблескивали золотым, когда на них падал солнечный луч, а длинный клювик отчетливо напоминал колибри. Голову венчал оранжевый хохолок, отчего казалось, что это не птица, а огонёк, пляшущий по ветке.

Пока я увлечённо наблюдала за птичкой, к той успел подкрасться паук. Миг, и он молниеносно выбрасывает паутину, которая тут же прилипает к крылышкам, стягивает их, мешая взлететь. Не теряя времени даром, этот гад бросается на «огонек», одновременно оголяя мерзкое жало. Я, даже не успев осознать, что вообще делаю, срываю с шеи один из клыков саблезубый лошади, которыми меня украсили орки, и швыряю прямо в него.

Успела!

Паук откатывается обратно, сучит многочисленными мохнатыми ножками и противно верещит. «Колибри» верещит в ответ более мелодично, но столь же экспрессивно. Крылышки её до сих пор в плену паутины, взлететь она не может, только скакать на тоненьких лапках.

— Пшёл вон! – шиплю я пауку, сама же отрываю ещё один клык и только сейчас замечаю, что от этой операции жут-

ко больно шею, так как шнурок, на которую подвесили сию «красоту», здорово повредил мне кожу.

Впрочем, медлить нельзя, надо избавляться от паука, пока он в себя не пришёл. Беру зуб, хорошенько прицеливаюсь и резко кидаю в паука, сбивая его с ветки. Ясное дело, тот выбрасывает паутину, цепляясь за сучок, но я уже тут как тут — подползаю к тому месту и отцепляю тонкую, липкую нить.

Паук летит вниз, и я не могу не любоваться, как это эпично выглядит. Разумеется, ничего смертельного с ним не происходит, он приземляется на огромный лист, вцепляется в него всеми конечностями и нервно дышит.

— Только попробуй к нам вернуться, и следующий клык пробьёт твоё брюхо, — цежу я сквозь зубы.

Кажется, меня поняли. По крайней мере, он замер и признаков деятельности не подавал.

Фух, ну и денёк! То орки, то кузнечик, то паук с птичкой, которую, кстати, надо бы размотать. Ой, а птичка-то не промах, сама клювиком вовсю работает, правда, теперь и на нем паутина висит.

— Иди сюда, я помогу, — протянула руку пичужке, изо всех сил надеясь, что она не испугается.

Жалко же, вдруг не поверит мне, ускачет, а потом и вовсе навернется с гигантского дерева.

— Чивиль, — чиркнула Искорка (так я про себя её назвала, уж больно она похожа на огонёк) и поскакала в мою сторону.

Слава Богу! Я смогла нормально помочь, а в ответ получила дружеский укол клювиком, мол, спасибо, странная де-вушка.

— В следующий раз будь внимательнее, а то у вас такие крупные пауки водятся, того и гляди сожрут.

— Чивиль! — птаха пообещала, что всё будет тип-топ, после чего отряхнулась, вспорхнула и была такова.

Я же призадумалась: что теперь делать?

— Как минимум, надо найти, где тут земля, — сама себе ответила и глянула вниз.

Ушлого паука там, к счастью, не наблюдалось. На всякий случай я внимательно осмотрелась по сторонам, ничего подозрительного не увидела, поэтому решила полноценно встать на ноги. До этого я передвигалась исключительно на четвереньках. Учитывая бронеplate, это было не совсем удобно, но не до жиру, быть бы живу. Аккуратно ступая по широкой, немного шершавой поверхности ветки, я добралась до ствола, который был настолько широк, что если бы не понимание, что это всё-таки дерево, я могла бы принять его за трубу ТЭЦ. Только не красно-белой, а коричневой окраски.

— Интересно, что это за гигант такой, и куда меня вообще занесло?

Шуршание листьев мне было ответом. Даже дружественного чирика от птички не донеслось. Впрочем, я старалась не унывать, наоборот, внимательно присмотрелась, как растут

ветки, и обнаружила, что смогу спуститься вниз, при этом не переломав конечности.

— Главное – не торопиться, — уговаривала я саму себя. — Прыгать до соседней ветки не далеко и вполне реально. Главное – не переборщить с толчком и держать равновесие.

Легко сказать, конечно, но бронеplate здорово мешало координации.

— Снять его к чертям собачьим и выбросить куда подальше! – решила я, вот только болтать – не мешки ворочать.

Кошмарный лиф ни в какую не желал расстегиваться. Я даже ноготь сломала, пока пыталась расковырять пресловутую застёжку.

— Чёрт с ним, так полезу, — пробухтела я спустя полчаса мучений и два сломанных ногтя.

Как ни странно, я ни разу не упала, пока скакала с ветки на ветку как метализированная белка. И это я ещё не сильно бряцала, ибо, как выяснилось, с моего платья оборвало почти все колокольчики, которые висели на бахrome, что не могло не радовать. А как я обрадовалась, когда внизу замаячила земля – словами не описать! Ещё немного, и я смогу присесть, а ещё лучше попить. Надеюсь, здесь есть вода, ручей какой-нибудь или ключ.

Ого, а тут, я смотрю, людно, несмотря на лесной массив! Столько народа, и все длинноволосые блондины, прямо как на подбор. Интересно, что они тут забыли? Ой, а это что там из-под волос торчит? Уши?

Упс, кажется, я попала к эльфам.

Памятуя недавний опыт, я затаилась. Кто знает, по какому поводу они здесь собрались, и не попала ли я из оркского огня в эльфячье полымя.

Сидя на ветке тихо, как ниндзя в засаде, я внимательно осматривала нижестоящих. Все красавцы, как на подбор: высокие, стройные, ушастые. Надменные лица аристократично бледны, а взгляды полны презрения. Причём презрение направлено на одного из собратьев, стоящего в центре круга.

Как назло, именно его я рассмотреть не могла, ибо он находился непосредственно подо мной. Только белобрысая макушка да кончики острых ушей были доступны с этой точки обзора.

Пока я рассматривала лица, они что-то вещали, надо бы прислушаться. Кстати, удивительное дело – я прекрасно поняла орочий язык, даже говорить на нём смогла, хотя, как выяснилось, всё происходит наяву, а не во сне. Интересно, а язык эльфов я пойму?

— Итак, ты утверждаешь, что целился в крота? – мелодичный голос одного из эльфов был полон холода. – А священная птица чивиль появилась на пути твоей стрелы, когда ты её уже выпустил?

— Так и было, — не менее холодно и в то же время с неизбывной скорбью ответил тот, чьего лица я не видела.

Надо же, и этот язык мне понятен. И я бы с удовольствием вернулась к версии затянувшегося сновидения, но нет. Как

никогда чётко я осознавала, что всё по-настоящему. И что нужно быть предельно аккуратной. Самое странное в сложившейся ситуации было то, что рефлексировать на тему попадания неизвестно куда неизвестно каким способом я не спешила. Да, где-то в глубинах мозга вставал вопрос, а не предаться ли мне простой женской истерике, но... психика пока справлялась.

Видимо, сказывается закалка от общения с преподавателями да клиентами. Те вечно как что отчебучат, а реагировать, как ты хочешь, нельзя. Держишься, разруливаешь ситуацию, а вот потом с мамой на кухне или с подругой по телефону можно и высказаться, а то и вовсе поплакать.

Один существенный нюанс – ни мамы, ни Ксюхи здесь не наблюдается. Зато наблюдается нечто странное, я пока не поняла, что именно.

— И как он получил звание лучшего стрелка года, когда не смог справиться с элементарным? — Яда, который буквально изливался из говорившего, хватило бы на потраву мышей во всей деревне, где живёт моя бабуля.

И ещё бы осталось про запас.

— Птицы чивиль не было рядом, она прилетела очень быстро, я не успевал ничего сделать, даже догнать стрелу, — и вновь полный скорби голос.

От его интонаций мне стало не по себе. Такое чувство, что мужик себя уже похоронил.

— Предлагаешь оправдать тебя? — едко усмехнулся оче-

редной эльф.

Да так мерзко, что рука сама потянулась к очередному клыку саблезубый лошади. Да-да, у меня остался стратегический запас после битвы с пауком.

— Безусловно, нет, — неожиданно ответил тот, кто стоял прямо подо мной.

Я так удивилась, что замерла. И слава Богу, а то кинула бы на рефлексах очередной зуб, а это тебе не паук, тут, похоже, какое-то судилище. Все такие серьёзные, вредные, за какую-то птичку бедному мужику всю плешь проели. Ну да, убил он вместо крота некую птичку чивиль, ну бывает. Похоронить её с почестями, раз она какая-то священная, и дальше делами заниматься.

Или им настолько здесь нечего делать, что они за каждую сикарашку судят? Пожалуй, я тогда промолчу, как абьюзила местного паука, в то вдруг, сама того не зная, нарушила какой-нибудь непреложный закон.

— То есть ты полностью признаёшь свою вину? — Радостно потёр руки один из белобрысых.

— Разумеется, — надменно и в то же время обречённо процедил подсудимый.

Если честно, после этого захотелось кинуть зуб именно в него. Прямо в темечко белобрысой макушки, чтобы в себя пришёл. Делать я этого не стала, решила подождать приговора. Впрочем, не думаю, что ко мне тут кто-то в принципе прислушается, как бы самой не приписали какой-ни-

будь грех. Мало ли, может, у эльфов запрещено носить ожерелья из клыков саблезубый лошади. Или оркское бронеплатье под запретом, оскорбляет их чувство прекрасного. Нет, оно и моё чувство прекрасного оскорбляет, но я же терплю.

Пока я скакала от одной мысли к другой, эльфы внизу молча стояли и чего-то ждали. В задумчивости я поднесла руку к голове – почесать между косами, и обнаружила, что, оказывается, ананас с моей головы никуда не делся. Его как тогда нахлобучило на мою бедовую головушку (размеры фрукта и головы как раз совпали), так он никуда и не делся. Несмотря на то, что мне каким-то чудом удалось смыться с орочей свадьбы.

— Ёпт! — ругнулась я одними губами.

Вслух даже шептать не рискнула, вдруг эльфы услышат – вон у них какие уши.

Наконец, суровое собрание отмерло, а один из эльфов, предварительно прочистив горло, принялся торжественно выносить приговор.

— Засим за непреднамеренное убиение священной птицы чивиль Эндариэль иль Кантар приговаривается к казни через отрубание...

На этих словах у меня зашумело в ушах, а волосы под ананасом встали дыбом. Что? Отрубание? За птичку? Они тут ничего не перепутали?

И тут случилось самое интересное – мой гнев, который я тщательно старалась сдержать, встретился с... пауком. Ви-

димо, тот пришёл в себя, выследил меня (а может он попросту следовал за мной и именно сейчас собрался с духом и решил, что пора отомстить за поруганную честь) и явил свой мохнатый лик пред мои зелёные очи.

Последующие действия прошу списать на состояние аффекта, ибо чтобы я да прикоснулась к пауку? Никогда! Если только тапочкой, чтобы прихлопнуть. Так вот, я схватила паука и швырнула его прямо на макушку эльфа, который решил, что отрубание (не важно, чего именно) – это правомерное наказание за случайную смерть птицы. Будь она хоть трижды священной.

Да, я сама недавно спасла птичку от паука, потому что жалко, но если бы не смогла, то уж точно не стала бы отрубать пауку его конечности. Это жизнь. Все когда-то умирают. Как бы жестоко это не звучало.

Что тут началось... Меня наконец-то заметили, мигом наставили луки со стрелами, я даже не успела понять, откуда они их вытащили. Паука же безгласно сняли с волос и... зашвырнули куда-то в траву.

— Ты кто такая и как смогла пробраться на священный Ильдрасиль? — гневно возопил тот самый эльф, в которого я кинула пауком.

Возопить то он возопил, вот только я наконец-то увидела лицо подсудимого. Хуже того – встретила с ним взглядом. Знаете, словно в бездну ухнула. Он реально себя похоронил, хоть и стоял ещё живой и со всеми конечностями.

Жуть.

Глава 5. Птичку жалко, но эльфа ещё жальче

— Сию секунду слезла со священного дерева! — холодно приказал мне один из эльфов.

Учитывая, что все они, кроме судьи, держали меня на мушке, слезать не хотелось особенно сильно. Пока я на их великом дереве (куда не плюнь, всё у них священное), меня, может, и не тронут, а вот на земле стопроцентно зашибут.

Эх, как хорошо было, пока я сидела тихо! С другой стороны, я же не макака, чтобы жить на дереве на постоянной основе.

— С девушкой могли бы и повежливее разговаривать, — буркнула я, холодея внутри от собственной смелости.

Сейчас как пристрелят меня, и всё, конец Рите.

— Девушка? — насмешливо бросил один из них. — В свадебном платье орков?

Мне показалось, или во взгляде приговорённого мелькнул интерес? Правда, быстро смылся лавиной скорби, но тем не менее!

— Конечно! — я гордо вскинула голову, отчего ритуальный ананас качнулся. — Вот если бы я была без платья, тут ещё могли бы возникнуть сомнения, а так я успела вовремя сбежать. Даже крови не пила, только Грох-Батыр успел хлеб-

нута из священного ананаса. Ну, или как это у них называется.

Я ткнула пальцем в импровизированный головной убор.

— Слезь с нашего священного дерева немедленно! — Кажется, на них не особо подействовало мое откровение о побеге с орочей свадьбы.

А могли бы заценить! Я, между прочим, и сама не понимаю, каким чудом умудрилась избежать ужасной участи. Причём, что ужаснее – выпить кровь или переспать с огромным лысым орком, я ещё не определилась.

И то и другое было за гранью моей морали.

— Тебе и вправду лучше спуститься, — неожиданно подал голос подсудимый. — Ты только усугубляешь ситуацию. Не в свою пользу.

И столько тоски в голосе, я почти решилась последовать его совету, но вовремя опомнилась.

— Может, вы умеете прыгать с такой высоты, не переломав себе ноги, но я – обычный человек, а учитывая это кошмарное платье, так и вовсе никаких гарантий остаться целой у меня нет.

Судя по ехидным ухмылкам некоторых белобрых, их это не особо волновало. Даже наоборот, порадовало, ибо как я, простая человечка, посмела прикоснуться к эльфячьему дереву своим плебейским задом.

— Прыгай, я тебя поймаю, — отозвался подсудимый.

Судя по всему, единственный нормальный эльф, видимо,

за то и судят. Ну не за птичку же казнить, право слово. Да, это совершенно точно подстава! Возможно, ему эту птичку под стрелу подкинули враги. Точнее, выпустили из кустов, подловив момент, когда он стрелял в крота.

Кстати, о кротах...

— А зачем ты стрелял в крота? — от любопытства я так сильно наклонилась, что ананас поехал набок, пришлось срочно его поправлять.

Вообще, по-хорошему его надо снять и выбросить, но пока не до этого. Узнать о подсудимом эльфе интереснее.

— Скажу, если слезешь с Ильдрасиля, — сделал хитрый ход эльф.

Что удивительно, с тем же скорбным лицом и полными вселенской тоски глазами. К слову, очень красивыми глазами необычного янтарного цвета, жаль, что их портит кислое выражение.

— А меня твои товарищи точно не пристрелят? — я почти дозрела до прыжка, тем более, меня обещали поймать, но обезопасить себя не помешает.

— Никто не собирается в тебя стрелять, — презрительно отозвался судья.

Тоже очень красивый мужчина, но его, в отличие от подсудимого, очень хотелось накормить шаурмой из соседнего киоска. Чтобы ему резко стало не до меня.

Ну а что, готовят там специфически, очистка кишечника гарантирована.

— Ладно, так уж и быть, — пробурчала я, — только чтобы точно поймал!

Эльф посмотрел на меня, как на малое дитя, которое методично выносит мозг своей матери. Мне даже стало немного стыдно.

— Эх, была – не была! — Я коротко вдохнула и таки соскользнула вниз. — Ай!

Руки эльфа оказались такими крепкими и жёсткими, аж рёбра хрустнули. И это в броне!

— Зато не выронил, — обронил наглый эльф всё с тем же скорбным выражением лица.

После чего он подло меня отпустил, лишая равновесия, а напоследок снял с головы синий ананас и зашвырнул в кусты. В компанию к полосатому пауку.

Я отчаянно вцепилась в его плечо, стараясь не упасть. Ноги после долгого сидения на дереве и последующего прыжка слушались плохо. Хотелось присесть, а то и прилечь, но некуда да и обстановка не располагает. Эльфы, кстати, луки опустили и тетиву ослабили, но вернуть всё обратно – дело одной секунды, уж я-то видела.

— Кто ты и как попала в наш лес? — насел на меня судья.

И плевать он хотел, что мы вообще-то о кротах разговаривали. Да я слезла с дерева исключительно из любопытства! Жаль, что обратно на него не взобраться, даже если бронеplate сниму и штаны надену. Нижняя ветка начинается примерно в двух с половиной метрах от земли. Ниже

только гладкий ствол диаметром с трубу ТЭЦ.

— Меня зовут Маргарита, мне двадцать лет, и я смогла сбежать со свадьбы с Грох-Батыром, — я вновь попыталась произвести впечатление своим воистину великим подвигом.

Ну не объяснять же агрессивно настроенным снобам, что из другого мира (а это очевидно, у нас такого паноптикума точно не водится), а как сюда попала — понятия не имею.

— И сбежала ты прямиком на Ильдрасиль? — ехидно уточнил какой-то эльф.

— Да! — Краткость — сестра таланта.

Собственно, подробности им знать не обязательно (я и сама много чего не понимаю, например, как так вышло переместиться из точки Ж в точку ПЖ[1]), а то вдруг обвинят в каком-нибудь нарушении. Правда, они и так это собираются сделать, но не буду облегчать им жизнь дополнительными зацепками.

— За проникновение в сердце закрытого леса и осквернение священного дерева Маргарита безродная, сбежавшая невеста Грох-Батыра приговаривается к смертной каз...

Он не успел договорить свои страшные слова, как появилась Искорка. Или это другая птичка?

— Чивиль, — чиркнула она, приземляясь ко мне на руку.

— Это ты, — улыбнулась я яркой пичужке, аккуратно снимая остатки липкой паутины с её пёрышек. — Представляешь, тот паук проследил за мной и пытался отомстить за то, что я не дала ему тебя сожрать. А теперь меня вовсе хотят

казнить, вот что за люди? Точнее эльфы...

Я тяжело вздохнула и вдруг поняла, что очень устала. Всё пережитое словно придавило меня, не сразу, но я заметила, как слёзы полились из глаз. Учítывая, что у меня был сделан убóйный орочий макияж, последствия от этого наступят весьма плачевные. Впрочем, что может быть плачевнее казни?

— Ей покровительствует священная птица чивиль! — разом выдохнули все эльфы.

Чивиль, ну точно. Она и чирикает именно так, и как я сразу не догадалась? Похоже, это и есть та самая священная птица, за случайное убийство которой теперь собираются казнить эльфа. Самого адекватного эльфа из всех присутствующих, на минуточку!

— То есть ты умудрился пристрелить такую кроху? — обратилась я к подсудимому, вспомнить бы ещё, как его зовут.

Вроде, имя называли, но это было давно, и я была на стрессе. Собственно, я и сейчас в процессе стресса. Слёзы продолжают литься, хотя я всеми силами стараюсь не думать о плохом.

Взгляд, полный вины ответил мне сильнее любых слов.

— А в чём её священность? — любопытствовала я, старательно вытирая с лица лишнюю влагу. Не хочу показаться слабачкой перед этими ушастыми снобами. — Да, она очень красивая, настоящая милашка, а по сути?..

Я намеренно не закончила предложение в надежде, что

его продолжают. В ответ эльфы сердито зашипели, словно в их генофонде отметились гадюки. У одного из них так пере-
кривило лицо, что и не скажешь, что они тут все писанные
красавцы.

Я, конечно, тоже на внешность не жалуюсь, но рядом с
ними чувствую себя той самой некрасивой подругой, а учи-
тывая свадебный макияж, то и вовсе.

Как и следовало ожидать, ответил мне подсудимый,
остальные оказались слишком горды, чтобы снизойти до ме-
ня — плебейки.

— Чивили охраняют Ильдрасиль от вредителей, а их пе-
ние особым образом гармонизирует пространство. Каждая
особь бесценна, её жизнь важнее любого из нас.

Я с интересом взглянула на Искорку, та приоткрыла клю-
вик, но... петь не стала. Лишь тихонько чихнула, нагадила
на руку, после чего вспорхнула и была такова.

Я жаловалась на перекошенные лица эльфов? Что ж, те-
перь и я стояла с подобной физиономией, остро желая хотя
бы пригоршню воды. Как вы понимаете, не для питья, хотя
совсем недавно просто мечтала утолить жажду.

— Она поделилась с ней священным помётом! — захри-
пел тот самый перекошенный эльф, теперь взирая на меня с
брезгливым изумлением.

Господи, и помёт у этой птахи священный, куда деваться!
Мне теперь что, руку не мыть, а то за такое святотатство ко
второй казни приговорят? Мало ли, что эти затейники уме-

ют, может, у них тут и живая вода имеется. Казнят по первому приговору, потом воскресят, после чего снова казнят уже по второму кругу. Отдельно за пренебрежение великими дарами священной птицы чивиль.

И тут меня осенило!

— А если вот так? — я подошла к подсудимому и с максимально торжественным выражением лица поделилась великой чивильей милостью.

Попросту вытерла руку об его штанину.

— Сразу видно, что дикарка, — презрительно процедил один из эльфов.

— Сами вы дикари, — парировала я. — Делюсь великим даром с ближним своим, а то не люблю, знаете ли, казни на закате.

К слову, закат только начался и радовал глаз удивительной палитрой цветов и оттенков. Розовый плавно перетекал в сиреневый, а тот в свою очередь в золотистый. Всё это великолепие оттеняли белые облака, так бы и любовалась, если бы не агрессивно настроенные эльфы.

— Что теперь с ними делать? — развёл руками ближайший к судье эльф.

Видимо, помощник.

Сам судья хранил молчание, лишь переводил с одного на другого острый взгляд. Наконец, явственно преодолевая себя, он выдал:

— Поскольку Маргарита Безродная спасла священную

птицу чивиль, а та осияла её благодатью, осквернение великого древа Ильдрасиль имело причины и вменяться в вину не будет. Однако! — Он многозначительно поднял палец, чтобы я не радовалась раньше времени. — Вопрос, как она попала в закрытый лес, остаётся открытым.

— Меня принесло провидение, чтобы я спасла чивиль от паука! — Несмотря на сильную усталость, я таки сгенерировала что-то более-менее приличное.

По крайней мере, мне показалось, что это действительно нормальное объяснение. Собственно, я бы и сама не отказалась узнать, как так вышло, но кто ж мне скажет?

— Это какой магией надо обладать, чтобы суметь не только преодолеть наши границы, но и добраться до самого сердца леса? — продолжил гнуть свою линию судья.

— Магией волшебного пенделя, — устало отшутилась я.

Ну а что вы от меня хотите? Я в магию, во-первых, не верю, а во-вторых, не разбираюсь.

— Не слышал о такой, — подозрительно сузил глаза эльф. — Люди не обладают Силой, кроме элементарного, значит, ты полукровка.

Он уставился на меня своим рентгеновским взглядом, словно собрался делать снимок мозга, чтобы по количеству и форме извилин определить, кто я такая.

Если такое возможно в принципе, вот он удивится...

Но, спустя несколько минут «сканирования», выяснилось, что он ни разу не рентген. И, похоже, даже не телепат, ибо

раздражённо и очевидно разочарованно отвёл взгляд. Видимо, пытался взять меня на понт, но я, дожив до третьего курса университета, много чему научилась. Уж как только на нас преподаватели не смотрели, особенно на экзаменах, так что шланговаться я умею. В смысле делать покер-фейс и не признаваться в грехах, пока конкретно не подловили.

Единственный человек, перед кем я ничего не могу скрыть – это мама. У той чуйка и реально рентгеновский взгляд, от которого не спрятаться. Иногда это пугает.

И, как оказалось, даже эльф не дотягивает до уровня её мастерства.

— Поскольку птица чивиль тебя благословила, казнь отменяется, — подытожил, в конце концов, вредный эльф. — Изгоним тебя из Леса, а там живи себе дальше.

Надо же, какая щедрость! Подарить мне то, чем я и без них обладала – жизнь. Манипуляторы высшей категории, а не эльфы.

— Теперь ты – Эндариэль иль Кантар, — продолжил судья свою речь, я же смаковала имя.

Эндариэль. Эндар, Эндель, Энди... Красиво, как ни крути.

— Несмотря на попытки манипулирования со стороны Маргариты, тебе всё также полагается казнь через отрубание волос с последующим изгнанием.

Что? Казнь через отрубание волос? Фух, я-то думала, что ему голову отрубят или руку. А волосы – дело наживное! Но-

вые отрастут. Да и изгнание — дело не самое страшное. Я, конечно, не знаю, что там у них за пределами леса творится, главное, чтобы в степь к орками обратно не попасть. Надеюсь, в этом мире есть и другие локации, и там не так страшно, как у зеленомордых. Вон, они людей упоминали, которые у них магией не обладают, значит, можно жить.

Это даже хорошо, что его изгоняют, будем изгоняться вместе, он хотя бы адекватный. Ну а потом надо разбираться, что со мной вообще происходит, и как жить дальше. Желательно долго и счастливо в своём мире с центральным водопроводом, канализацией, электричеством и прочими достижениями науки и техники. Мне ещё универ надо закончить, в жизни устроиться, мужа найти. Разумеется, не орка, да и эльфы эти так себе. Даром что стройные и красивые, а на деле по наглости от орков недалеко ушли.

Пока я оптимистично-эгоистично рассуждала о ближайшем будущем, Эндариэль положил голову на пень. Большой такой, гладкий, я его ещё с дерева приметила, но не думала, что его будут использовать с такими гнусными целями.

Боже, как жутко смотрится коленопреклонённый эльф, чья шея теперь открыта, поскольку его волосы лежат на пне. Конечно, это мелочь по сравнению с тем, если бы на пне лежала сама шея, но смотреть всё равно неприятно. Палача, который с суровым, беспристрастным лицом торжественно отрубил длинные блондинистые волосы эльфа, хотелось отправить к оркам вместо себя. Посмотрела бы я на него, как бы

он выпендривался перед Грох-Батыром! Впрочем, все воинственные мысли вылетели после того, как Эндариэль встал, потому что он был таким бледным, словно лишился чего-то гораздо более важного, чем лишние сантиметры рогового слоя эпидермиса.

— Эй, ты в порядке? — я обеспокоенно смотрела на него и понимала, что нифига он мне сейчас не помощник.

Скорее уж наоборот.

Стоит ни жив, ни мёртв, качается только, как тонкая рябина. И голову склонил до самой груди.

— Вы должны немедленно покинуть Лес, вас сопровождают, — надменно выдал судья, после чего развернулся, взял отрубленные волосы, швырнул их в спешно разведённый костёр (и когда успели, я вообще не заметила даже приготовления, не то что поджога!) и с чувством выполненного долга пошагал прочь.

— А ничего, что Эндель идти не может? — возмутилась я. — Скоро ночь настанет, могли бы и с утра сопроводить до границы, а сейчас накормить последним ужином перед изгнанием. От ванны я бы тоже не отказалась.

На меня посмотрели, как на внезапно заговорившую вошь, которую обнаружили на своей расчёске. Отвечать не стали, мол, не достойна, хватит и того, что уже было сказано.

М-да, вот тебе и эльфы — дети цветов. Орки хотя бы накормили, напоили, помыли, одели в самое лучшее бронеplate и замуж повели. Последние два пункта мне не очень за-

шли, но важен сам факт.

— Иди и больше никогда сюда не возвращайся! — ехидно выдал один из сопровождавших нас эльфов.

Мы как раз дошли до границы Леса, перед нами расстилось поле до боли знакомой травы с резными листьями (это же она, у меня не галлюцинации?), конца-края которому не было. Дошли мы, кстати, достаточно быстро, правда, путь наш лежал по какой-то ну очень странной траектории. Вот идём мы, допустим, прямо, впереди отлично утоптанная тропа, а потом бац, и резко влево свернули. Снова идём, но только для того, чтобы через сотню шагов повернуть знаете куда? Направо!

В какой-то момент мне показалось, что над нами издеваются, специально гоняют по лесу, чтобы выпнуть потом в самую темень.

Но нет, всё оказалось совсем не так – уже через полчаса блужданий по козлиным тропам мы вышли к границе. Реально, вот вроде бы шагали среди исполинских деревьев (заметно уступающих в размерах Ильдрасилю, но тоже весьма и весьма габаритных), а сейчас стоим, на поле любимся. Выше человеческого роста травка вымахала, а я не маленькая, если что. Сто семьдесят сантиметров, между прочим. Ну, сейчас, может чуть меньше, ибо под весом бронеplatя я изрядно устала и сутулилась.

— Жаль, что моё спасение чивиль не засчитали в качестве

компенсации за твоё нечаянное убийство, — посетовала я, сочувственно взглянув на Эндариэля.

Тот даже не отреагировал, лишь стоял, поджав бледные губы. Кожа на лице и вовсе посерела, как мы с ним будем через коноплю продираться — не понятно.

— Во-первых, так не делается, каждый несёт ответственность за свои поступки, — возразил самый вредный эльф. — А во-вторых, тогда тебя ожидала бы казнь.

— Через отрубание волос? — со смешком уточнила я. — Ничего, я бы пережила, главное, чтобы потом ножницы дали и зеркало — подравнять.

Конечно, я гнала картину. Самой себе стричь волосы, да ещё и короткую, модельную стрижку — дело архисложное. С другой стороны, жить захочешь — ещё не так извернешься.

— Ты — не эльф, какой смысл отрезать тебе волосы? — недоуменно спросил третий сопровождающий, до того предпочитавший молчать.

— А что, от длины волос у эльфов что-то зависит? — я ещё пристальнее посмотрела на Эндариэля, но тот продолжал отмалчиваться.

Он вообще еле ноги волочил, а его криво отрубленные волосы свисали на лицо, закрывая глаза. Только губы и были видны — бледные, искусанные и сурово поджатые.

— Не твоего ума дело, человечка, — презрительно сплюнул вредный эльф.

Я его запомнила по чересчур полной нижней губе, холод-

ным серо-голубым глазам и надменной физиономии в целом. Он был не просто худым, как его собратья, а откровенно тощим. Уши при этом настолько длинные, что из-под волос торчали не только кончики, но и часть раковины. Возможно, за это он мстил миру, а может это у них самый сок, и я ничего не понимаю в эльфийской конституции.

Собственно, я действительно ничегошеньки в ней не понимаю. И что самое поганое, никто не хочет меня просвещать. Вот почему отрубание волос и их последующее сжигание так болезненно для них? Что теперь делать с Энделем, учитывая его состояние? Впереди широченное поле, которое нам предстоит перейти, и в целом непонятные перспективы на ночь. Я уже молчу о последующих днях!

— Идите, пока окончательно не стемнело, — приказал самый спокойный из сопровождающей троицы эльф. — За полем начинается обыкновенный человеческий лес, неподалеку находится сторожка, там сможете переночевать.

О, ну хоть что-то конструктивное!

— Спасибо! — от души поблагодарила парня.

А может он уже давно и не юн, я где-то читала, что возраст у эльфов виден по глазам. Вопрос – как именно? Сегодняшнее знакомство с этими товарищами принесло мне массу разочарования. Где мудрость веков, которые длится их жизнь? Где чуткость и внимательность? Из всех них только Эндариэль в адеквате, и то после отрубания волос сдулся.

Нет, чует моя... кхм... нижняя чакра, что не всё так про-

сто с его изгнанием! Это подстава!

Ладно, потом разберемся, сейчас бы добраться до обетованной сторожки и отдохнуть. Попить, я уже молчу про поесть. Об омовении приходится только мечтать. Кстати, а ведь я босиком! И если по эльфийскому лесу, устланному листовой и шелковистой травой, идти было вполне комфортно, то поле, полное жёстких отростков поломанной местами травы мои ноги могут не перенести.

— А что тут у вас насчёт последнего желания приговорённого? — поинтересовалась я у относительно адекватного парня.

Тот выразительно вскинул брови, а я, чтобы пояснить свой вопрос, приподняла подол бронеplatя. Мол, посмотрите на бедную, несчастную меня, которой злые орки обувки пожалели.

Что тут началось... Эльф покраснел от выреза в рубашке до корней волос. И это только то, что я видела. Тот, который самый вредный, зло хохотнул, но тоже как-то странно напрягся. Третий эльф и вовсе отвернулся. И только Эндариэль стоял памятником самому себе — такой же бледный и заторможенный.

— Я не знаю, что вы подумали, — сильно смущаясь и краснея не меньше их, я попыталась хоть как-то объяснить, — но вообще-то я хотела показать, что у меня нет обуви. И если у вас тут всё комфортно, то дальнейшего путешествия, боюсь, мои ноги не выдержат.

Если честно, я думала, что меня пошлют. Возможно не матом (интересно, а эльфийский мат существует?), но не менее красноречиво. Но нет, самый вредный эльф (что вообще сразило меня наповал) стянул с себя сапоги и поспешно бросил их мне под ноги.

Вот это невиданная щедрость! От кого, но от него я точно этого не ожидала. Блин, мне бы бронеплатье расстегнуть, тогда я бы вообще счастлива была, и никакой марш-бросок через поле нипочём, но я скромно промолчала.

Во-первых, если они на слегка приподнятый подол отреагировали, как отпетые девственники, то что будет после просьбы помочь снять платье? Да, под ним есть ещё одно, причём длинное, очень даже приличное, но...

Вдруг они посчитают меня вконец охамевшей и заберут сапоги обратно? Уж лучше так пока. Потом Эндариэля попрошу, предварительно объяснив, что я не собираюсь его соблазнять. Вот нисколько!

А во-вторых, и в главных, а вдруг они не смутятся, а решат позабавиться за мой счёт? И вот тут появляется другой нюанс – я-то точно девственница. Не из монастыря, естественно, в курсе основ анатомии, а также, что происходит между мужчиной и женщиной при закрытых дверях спальни. В теории. Как ни крути, но я – дитя своего времени, которое в век откровенной рекламы, всевозможного контента в интернете и безудержной фантазии романистов знает в разы больше, чем пробовала на практике.

Но таки девственница, да. Так вышло. Бывает.

Поэтому молча, пока не отобрали, натягиваю сапоги, точнее, зашагиваю в них. Да, на босу ногу, да, на несколько размеров больше. Пофиг, главное, не босиком.

— Спасибо, — снова благодарю эльфов, подхватываю под руку Эндариэля и ухожу в закат.

В прямом смысле этого слова.

[1] Думаю, Ж и ПЖ не нуждаются в расшифровке, но сноской интереснее.

Глава 6. Неведома зверюшка в чистом поле, или как добраться до сторожки и не умереть

— Давай, Эндель, поднажми, — уговаривала я полумертвого эльфа не сдохнуть прямо посреди поля.

Сколько мы прошли? Дофига, судя по окончательно уставшему телу. Сколько ещё предстоит пройти? Кто б знал. По идее, Эндариэль должен быть в курсе, но, похоже, отрубание волос сделало его калекой.

Может, через длинные волосы они как-то чувствуют? Ну, мало ли, шестой орган восприятия наравне с глазами, ушами и прочим. Узнать подробности не получилось, мой спутник не проронил ни слова после казни. Словно от длины волос зависела его речевая функция. Вряд ли, конечно, но он явно двигался исключительно на остатках сил и воли.

Я, кстати, тоже.

Последней каплей на мои и без того истерзанные нервы стало какое-то незнакомое животное. То ли гигантская черепаха, то ли броненосец – в последних лучах угасающего солнца много не разглядишь. Я взвизгнула от неожиданности, когда мы буквально выпали из зарослей на небольшую полянку посреди поля, на которой харчевался этот зверь. И если сначала я подумала, что он травоядный, то через

несколько секунд разглядела, что жрёт он явно что-то мясное.

— А-а-а! — заверещала я уже куда сильнее, отпрыгивая к Энделю.

Тот, видимо, совсем плохо соображая, продолжил движение, а потом и вовсе запнулся. Упал прямо на спину неведомому чудовищу, после чего взверещало уже оно.

И побежало.

Эндариэль, как ни странно, с него не упал. Видимо вцепился из последних рефлексов, зато я теперь вообще не представляла, что мне делать. Точнее, голова моя не представляла, а вот ноги сами собой побежали вслед за ними.

Ну как побежали... пошаркали.

В какой-то момент сил на крик не осталось, да и бессмысленно это. Ни животное, ни Эндариэль на него не реагировали. Да и в горле окончательно пересохло, дышать опять же неудобно. Бронелифчик бряцал и всё сильнее сдавливал грудь. Сапоги хлябали, нещадно натирая ноги. И только кожаный колокол подола стойчески защищал меня от поверженной неведомой зверюгой травы. До ног эти жёсткие отростки не доставали, и это, пожалуй, было единственным плюсом в сложившейся ситуации.

Поле закончилось так неожиданно, что я чуть не упала. Зато упал Эндариэль, а зверюга, обиженно подвывая, скрылась в кустах.

— Если я сейчас ничего не попью, то просто умру, — ска-

зала я самой себе, глядя на неподвижное тело эльфа.

— Там... — Эльф оказался не таким уж неподвижным, зря я на нём крест поставила.

Мало того, что он меня услышал, так ещё и приподнял руку, указал на дерево, что росло неподалёку, а у его корней журчал самый настоящий ключ!

О, такой вкусной воды я не пила никогда! И такой холодной тоже. Зубы буквально ломило, руки коченели, губ я не чувствовала уже после первого глотка, но всё равно продолжала пить, а потом ещё и умылась. Уф, не сказать, что я стала лучше себя чувствовать, но бодрее – однозначно. С сожалением решила не мыть здесь ноги, не хватало мне судорог. А вот Эндариэля надо бы как-то освежить, чтобы тоже воспрял духом и нашёл нам сторожку.

Если мы вообще с нужной стороны поля вышли.

Как ни странно, но эльф добрался до ключа сам. На ноги, правда, встать не смог, но зато дополз. Учитывая казнь, долгую дорогу через поле и бешеные скачки на неведомой зверюшке, то он очень даже неплохо держится.

Дождавшись, когда он умоется и напьётся, я подошла поближе и присела рядом. Вообще, обстановка была самая что ни на есть романтическая. Тайнственно светила луна, причём такая большая, что на освещение жаловаться не приходилось. Не день, конечно, но вполне всё видно, особенно когда трава обзор не загораживает.

Так вот, про романтику. Луна, прекрасный мужчина, я в

свадебном платье... Закроем глаза на то, что оно орочье. И не будем заглядывать под подол, где вместо туфельек на изящном каблучке мужские сапоги.

Между прочим, если бы на мне были туфли, из поля я бы точно не выбралась!

Вдобавок ко всему придётся прикрыть глаза на то, что прекрасный мужчина находится на последнем издыхании. Лежит, смотрит в небо, а у самого взгляд отрешённый, словно нам до сторожки не надо добираться.

Тьфу, короче, а не романтика. Вечно лезет в голову всякое, особенно когда сильно устану. Смех да и только.

— Ты сможешь встать? — спрашиваю я, осторожно прикасаясь к его руке.

Вообще, хочется провести ладонью по лицу, убрать пряди, налипшие на мокрый лоб, но я сдерживаюсь. Во-первых, мы с этим мужчиной знакомы очень поверхностно. Во-вторых, он — эльф. Кто знает, какие у них порядки? Может, ему будет противно от прикосновения посторонней девушки, или он примет это за неприличный призыв.

Хотя, учитывая его состояние, неприличный призыв можно считать огромным авансом. Дай бог, чтобы до утра дожил, да и потом не окочурился.

— Я для тебя балласт, — отрешённо выдаёт он.

И снова замолкает, томно взирая на слегка голубоватую луну. Зараза эльфячья!

— Ты для меня — единственный шанс выжить, — гово-

рю прямо, без обиняков. — Я ничего не знаю об этом мире, кроме того, что здесь водятся озабоченные орки и отбитые на всю голову эльфы. Ну и трава у вас знатная, как и та зверушка, на которой ты доехал. Кстати, кто это?

Молчание было мне ответом. То ли он мне не поверил, то ли сил не осталось. Возможно, и то и другое, потому что потом Эндариэль вообще перестал на что-либо реагировать. Я теперь его и по щекам шлёпала, и за волосы подергала, и сердце послушала.

Бьётся. Медленно, слабо, но бьётся. И дыхание есть, пусть и еле слышное.

В какой момент я всё-таки сдалась и просто легла с ним рядом — не помню. Лежать в бронеplate, к слову, было жутко неудобно, но я так устала и физически, и морально, что всё равно. Так и заснула, точнее, провалилась в забытие, чтобы проснуться от чьего-то недовольного ворчания.

— Что за левые тела на моей территории? — бурчал чей-то грубоватый голос, которому, учитывая опыт пребывания в этом мире, я не спешила радоваться.

Мало ли, кто нас нашел? И что он захочет со мной сделать. Я, конечно, планирую сопротивляться до последнего, но судя по тому, что даже палец на ноге не хочет слушаться, шансов у меня не особо.

— Какая-то парочка недоумков, нашли, где ночевать, — продолжил ворчать неизвестный мужчина.

Сам он недоумок. Присмотрись получше, луна вон как

светит!

— Я не понял, это эльф что ли? — голос существенно изменился, я же внутренне возликовала.

Бинго! Ты попал в яблочко!

Жаль, что внешне я никак не могла выразить свою радость, тело реально одеревенело после всех мытарств в этой пыточной конструкции.

— Эндариэль?! — Ого, кажется, этот тип знает моего эльфа.

Надеюсь, их связывает дружба или хотя бы нейтральные отношения. Хотя бы не враги, хоть бы не враги...

Я попыталась скрестить пальцы в этот раз на руке, но нет, от усталости даже такая малость не получалась.

— О, Боже, что с твоими волосами? — воскликнул он с искренним беспокойством.

Я же выдохнула. Всё-таки друг, на худой конец, приятель.

— А кто рядом с тобой? — Упс, кажется, и меня заметили.
— Орчанка что ли?

У меня от возмущения аж глаз открылся. Жаль, что один, но мне и его хватило, чтобы увидеть широкую небритую физиономию, увенчанную пучком спутанных кудрей.

— О, живая! — обрадовался мужик, сверкнув выпуклыми глазами. — Для орчихи слишком миленькая, а цвет кожи под луной и не разобрать.

Он задумчиво, с явственным скрипом почесал макушку, запутался пальцами в кудрях, кое-как вытащил их и аккуратно-

но пригладил встопорщившуюся шерсть. Толку, правда, от этого было ноль, но он хотя бы попытался. Судя по всему, именно сие действо было единственным способом ухода за шевелюрой.

Эх, где мои ножницы, я бы прошлась по его голове, я бы сделала из этого неандертальца приличного человека! Ну, или хотя бы придала ему таковой вид.

— Эй, дамочка, говорить можешь? — перешёл он к активной фазе знакомства. — Я — местный лесник, а ты кто, и что случилось с Эндариэлем?

Я бы с удовольствием ответила, но губы смогли только вяло шевельнуться, а из горла вырвался сиплый хрип. Вот чёрт, это из-за холодной воды что ли? Не хватало мне тут ангиной заболеть для полного несчастья.

— И что с вами обоими случилось? — продолжил сетовать мужчина, правда, теперь безадресно.

Видимо, мой пришибленный вид и бесплодные попытки коммуникации были поняты безо всяких слов.

— Как назло, до сторожки дофига топать, а вас обоих я не дотащу. Точнее дотащить-то смогу, но вряд ли вам будет приятно.

Ну да, смотря как тащить. Если держать в руках по ноге и волочить остальное по земле, то да, он сможет, а вот мы вряд ли такое переживём.

— Ладно, прости, Эндариэль, но сначала девушка, — пришёл к компромиссу лесник.

Он осторожно подошёл ко мне, попытался взять с одной стороны, потом с другой, но всё как-то неловко. Стесняется что ли? Наконец, он поднял мою безвольную пятидесяти пятикилограммовую тушку и слегка прикрикнул. Ой, нет, поправочка, тушка с учётом веса бронеplate и эльфийских сапог была минимум на десяток кило тяжелее. А может и на целых пятнадцать.

Короче, он – мой герой. И вы сейчас поймёте, что это не опрометчивое высказывание под воздействием отчаяния. Он тащил увесистую меня добрых полчаса, а то и минут сорок! Периодически пыхтел, вздыхал, пару раз немного передохнул, но героически допёр меня до небольшого деревянного домика! Там он положил моё сомлевшее тело на кровать, аккуратно снял сапоги, после чего сразу вышел. Видимо, двинулся спасать Эндариэля.

Впрочем, как и когда он это сделал, я уже не видела и даже не слышала. Отрубилась и проспала, Бог знает, сколько времени, пока озорной солнечный лучик не разбудил меня. Этот хулиган светил прямо в глаза, изо всех сил намекая, что пора вставать.

Ага, вставать, где бы ещё ноги запасные взять и всё остальное тоже? Чувствовала я себя после вчерашних игрищ преотвратно. Что характерно, помнила всё в мельчайших подробностях, начиная с подготовки к свадьбе у орков, заканчивая героической помощью в ночи. А вот то, как я в принципе докатилась до попадания в другой мир, оставалось тай-

ной за семью печатями.

Я словно в закрытую дверь стучалась, требовала от памяти открыть её, но безрезультатно. Странно, почему так?

Мои мысли прервала природа собственного тела – жутко захотелось в туалет. И что самое удивительное, ноги вдруг вспомнили о своём прямом назначении ходить, а не ныть и болеть. И тело вдруг стало кое-как, но работать, а не лежать пластом. Правда, с самим действием загвоздка вышла – я понятия не имела, где уединиться. В домике, а если точнее – на кровати я оказалась не одна. Рядом спал эльф!

То есть чисто технически я могла бы изобразить оскорбленную невинность и настаивать на свадьбе. Могла бы, но оно мне надо? О, нет, мне бы от свадебного платья избавиться и больше не видеть его никогда!

О, как болит спина... О, мои рёбра...

Впрочем, это ладно, где здесь туалет? И это я не только внутри искала, если что. Не подумайте, что я белоручка, во-все нет, я много раз ездила к бабушке в деревню на каникулы и прекрасно знаю, что такое «домик задумчивости». Но тут и его не было! Только иномирный лес, полный незнакомых растений и животных. Впрочем, вчерашняя трава сильно напоминала одно земное растение, но кто знает, насколько они действительно похожи?

Ладно, была – не была! Пойду за кустик. С бронеplatем бы только совладать...

Как ни странно, но моя эпопея закончилась вполне благо-

получно, а вернувшись в домик, я нашла ведро чистой воды, умылась, вдоволь напилась и порадовалась своей причёске. Куча косичек, все целые и невредимые, правда, пропитанные соком синего ананаса и нашей с орком кровью, но тут ничего не попишешь. В обозримом будущем ванная мне точно не грозит. Максимум – купание в неизвестном водоёме с неизвестными подводными жителями.

Эх, снять хотя бы верхнее платье, и уже станет легче дышать!

Попытка – не пытка, всё равно делать нечего. Еды я не нашла, по крайней мере то, что хоть как-то могло идентифицироваться мной как съедобное. Эльф спит, словно мертвый царевич, правда, боюсь, волшебный поцелуй вряд ли его взбодрит. С другой стороны, а вдруг сработает?

Я осторожно подошла к кровати, наклонилась, вглядываясь в точёные черты эльфа... Хорош, стервец, хоть скульптуру с него лепи! Острые выразительные скулы, высокий лоб, четкая линия челюсти, а какой у этой челюсти мужественный угол!

Брови прямые, довольно широкие, светло русые, нос в целом прямой, но, судя по лёгкой кривизне и горбинке – ломаный. Волосы уже не такие белые, словно посерели за ночь. Или это пыль? Всё-таки на земле лежал, мог и запачкаться.

— Быть или не быть – вот в чём вопрос, — задумчиво процитировала Шекспира, имея в виду пресловутый поцелуй любви, о котором во всех сказках талдычат.

А ведь я, по сути, тоже в сказке! По крайней мере, и орки, и эльфы совершенно точно волшебные. Правда, волшебство у них какое-то странное, я уже молчу о порядках, ну так и сказки разные бывают. Между прочим, если почитать оригинальные сюжеты, собранные братьями Гримм, Шарлем Перро и русскими фольклористами, то там ещё и не такой жести начитаешься.

И только я решилась, почему бы и да, как скрипнула дверь, а на пороге появился...

Глава 7. Выжить в незнакомом мире и не поехать крышей

Я ждала кого угодно, но только не дикого кабана. Точнее, кабана он напоминал конституцией – огромной тушей и носом-пяточком, а вот дальше шли разногласия с каноном. Во-первых, он имел весьма оригинальный окрас, напоминавший жирафа, но до элегантности оногo местной зверюге было как до луны.

А какие у него были зубы...

Это что, саблезубый кабан? Или у страха глаза велики?

На самом деле, на тот момент мне было совершенно неважно, к какому виду животных это чудовище относится. Даже если оно травоядное, менее опасным для меня оно не станет, ибо может попросту затоптать в процессе жизнедеятельности.

— Прости, эльф, но поцелуй отменяется, а тебе придётся подвинуться, — пробормотала я скороговоркой и запрыгнула на кровать.

Вы не поверите, но в прыжке сапоги легко соскользнули с ног, так что я ничего и никого не замарала. Эльф, зараза бледнющая, даже не моргнул! Зато пятнистый кабан удивлённо всхрюкнул. А может и не удивлённо, я, знаете ли, не сильна в данной теме.

— И почему я дверь нормально не закрыла? — задала самой себе риторический вопрос.

Ведь видела, когда выходила в туалет, что та была закрыта на щеколду. Механизм из серии «дёрни за верёвочку, дверь и откроется». Не зря его установили, ой, не зря.

— Гур-гыр-гыр, — ответил мне зверь, оскаливая свои острые зубы.

— Энди, может, откроешь хотя бы один глаз, проанализируешь обстановку? — Я слегка пнула эльфа в бок, но тот даже ресницами не дрогнул.

— Мама, ну что застраховидла, у него ведь ещё и глаза красные, — завыла я, пиная эльфа более ощутимо.

Тот слегка поморщился, но продолжал пребывать в беспомощности.

— Хороший свиножирафик, добренький, Риту есть не будет, — принялась я то ли задабривать зверушку, то ли уговаривать себя не впадать в истерику. — Давай ты пойдёшь обратно в лес, где водится много диких, вкусных обезьян.

Ну, или кто там водится, понятия не имею.

Зверушку моя речь не впечатлила, она двинулась в сторону кровати, попутно обнюхивая и пробуя на зуб всё, что попадалось по дороге. Наконец, она добралась до моих сапог и задумчиво прикусила голенище.

— Эй, вообще-то это моё! — волна возмущения придавала мне смелости.

В конце концов, сапоги мне отдал самый вредный эльф, я

могу собой гордиться.

Зверушка выпустила сапог, потянулась пяточком в сторону кожного подола и раскрыла пасть. Видимо, чтобы продегустировать священное платье всех орочьих невест.

— А-а-а! — я всё-таки не выдержала и от души заверещала.

Ногами дергать не стала, наоборот, слегка присела, чтобы спрятать ступни под подолом.

Зверушка прижала уши и возмущённо гуркнула. Сверкнули зубы, отчего я перешла на такой визг, что если бы здесь имелись стеклянные предметы, они бы лопнули. Зверушке повышение тональности явно не понравилось. Продолжая скалить зубы, она попятилась, но остановилась на половине пути.

Нет-нет, надо нормально её прогнать и закрыться на щеколду! Поэтому я, мысленно представив себя грациозным и очень грозным ниндзя, прыгнула на пол. Спрыгнула очень неудачно, прямо на пожеванный сапог, отчего правая нога подвернулась, острая боль прострелила щиколотку.

А-а-а! — ещё пронзительней взверещала я, окончательно убеждая зверушку, что она двигалась в правильном направлении.

Разумеется, я поскакала за ней следом, отчего та ускорилась, даже хвостик мелко задрожал от страха. Когда я достигла двери, она почти скрылась в кустах, и мне бы закрыть дверь на щеколду, как изначально и планировалось, но мой

взгляд так и прикипел к яйцам.

Понятия не имею, какой птице они принадлежали, но сейчас они лежали в гнезде и так и манили своей розоватой скорлупой. Рот тут же наполнился слюной, желудок заурчал, а я с трудом вспомнила, когда в последний раз ела. Это было у орков предположительно вчера. С тех пор в моем желудке была только вода.

— Нет, рисковать нельзя, — твердо сказала я сама себе и закрыла дверь.

Изнутри!

Но, как назло, в двери была приличная щель между досок, в которую это гнездо было прекрасно видно. Также хорошо просматривалось дерево, где это гнездо разместилось.

— И лезть не так уж высоко, особенно если снять бронеплатье... И подвернутая нога уже не болит...

Точно! Я же хотела попробовать раздеться! Кстати, тут есть нож, можно его использовать, чтобы подцепить застёжку.

Спустя полчаса потения, шипения, парочки матерков и ещё один сломанный ноготь я это сделала! Ура! Мои рёбра теперь свободны, а я могу дышать полной грудью! Да я даже взлететь могу, ну или хотя бы залезть на то дерево и собрать яйца. Главное – не забыть взять какую-нибудь тару, чтобы не уронить их по дороге.

Сказано – сделано! Кошмарное платье брошено в угол, нижнее, пусть уже не такое белое, каким было изначально,

но, подпоясано первой попавшейся веревкой. Небольшая, но очень удобная тара из бересты найдена на верхней полке. Правда, там какие-то корешки лежали, но они и без неё прекрасно полежат, а вот яйца одними руками точно не собрать. Потому что одно дело залезть на дерево и набрать добычу, а другое – слезть с него, эту самую добычу по пути не растерять и не расколотив.

Помнится, бабушка собирала куриные яйца прямо в подол, но одно дело дойти до дома от курятника, а другое – лезть за ними на верхотуру. Впрочем, как я уже говорила, без бронеплатья я ощущала себя почти птицей!

— Хм, а если опять та зверюга прибежит? — засомневалась я, стоя перед закрытой дверью.

Глянув в щель, внимательно всмотрелась в местность. Было подозрительно тихо, даже не жужжал никто. Осторожно, очень плавно подняла щеколду, приоткрыла дверь.

Никого.

Задумалась. Если не закрывать дверь на щеколду, то появится риск проникновения в дом очередной неведомой зверюшки. С другой стороны, если в процессе добычи яиц какая-то зверюшка погонится за мной, то закрытая дверь задержит меня.

А бронеплатье я сняла.

И даже не уговаривайте меня надеть его снова!

— Возьму с собой палку, — решила я, осматривая избушку. — О, кочерга, ты-то мне и нужна!

До дерева я добралась быстро, до гнезда долезла тоже без проблем. Яйца, кстати, оказались совсем небольшие, меньше куриных, но крупнее перепелиных.

Ладно, что дают, то и будем брать.

Аккуратно, стараясь не разбить, я сложила добычу в туесок, развернулась и поняла, что таки дура. Чем мне держать этот туесок, не зубами же? И ручек нет. А слезать с дерева, используя только одну руку, может только Тарзан и то в кино. Или обезьяны.

Кое-как, чудом умудряясь приткнуть яйца у основания веток и при этом их не опрокинуть, я наконец-то спустилась на землю. Руки тряслись после такого приключения, как у припадочной. И, тем не менее, я крепко взяла в руки кочергу, которая терпеливо дожидалась меня внизу, после чего развернулась к избушке.

И опять приятная неожиданность – там снова никого не было! Это везение или засада? Как ни странно, везение, ибо я добралась до домика, открыла и закрыла дверь, и ничего не произошло.

Фух!

Теперь осталось как-то разжечь огонь, вот только ничего похожего на спички я не нашла. Но ведь очаг есть, дрова есть, зола в очаге тоже имелась.

Как? Как они это делают?

Попив ещё раз воды, я взялась за кочергу. Нет, не для того, чтобы разбудить ей эльфа, хотя мысль мелькнула, да. По-

ворошив в очаге золу и остатки потухших углей, я буквально чудом заметила красноватый отблеск. Один из угольков ещё тлел!

— Тихо, Рита, не ори от счастья, а самое главное, не проморгай свой шанс! — приговаривала я под нос, судорожно ища хоть что-то, отдаленно напоминающее бумагу.

На худой конец – бересту.

Но ничегошеньки не находилось, хоть ты убейся об асфальт. Тьфу ты, асфальта тут наверняка тоже нет. Ну, тогда об саблезубого жирафокабана.

— Так, те корешки, вроде, сухие были? — вспомнила я о содержимом туеска до того, как туда попали розовые яйца. — Где та полка?..

Корешки нашлись быстро, а вот поджигаться не спешили. Уж я и так подула на останки уголька, и эдак, ко всем местам эти корешки приложила, пока, наконец, один из них не занялся.

— Ура! — прошептала я, боясь спугнуть зародившийся огонёк.

Одной рукой держа горящие корешки, второй я принялась накладывать дрова, краем мозга вспомнив, что есть разные способы – шалашик и колодец. В какой ситуации как лучше делать, я понятия не имела, поэтому сделала для начала шалашик, куда и сунула горящие корешки.

А потом принялась молиться:

— Пожалуйста, огонь, гори! Не вздумай тухнуть, ведь я

так хочу есть! Давай, вот так, сильнее, молодец, я в тебя верю.

Получилось! Дрова разгорелись, теперь осталось найти посудину и либо сварить яйца, либо пожарить.

К счастью, нашлось всё – и сковородка, правда, грязная, и котелок, тоже не отличавшийся чистотой, и даже бутыл с каким-то маслом. Кое-как вымыв посуду, я налила в котелок воды и повесила над огнем. Вытерла трудовой пот и задумалась.

— Лучше я их всё-таки пожарю, а в котелке чай заварю. Если тут есть, конечно, чай.

Да, в одном из мешочков, лежавших на той же полке, что и туесок, нашлось что-то, отдаленно напоминавшее заварку. Тщательно понюхав и даже попробовав на зуб, я сочла её годной к употреблению. А если я после этого скончаюсь в муках, то пусть эльфу станет стыдно. Если он сам в ближайшее время не отдаст концы.

К тому времени, как в котелке закипела вода, я ещё раз помыла сковороду, которую, судя по состоянию, мыли только один раз. И это была я. Ну и когда покупали, она тоже была чистая. Наверное.

Сняв с огня котелок с закипевшей водой (едва не залив им огонь и не ошпарившись), я поворошила дрова кочергой. То, что продолжало гореть, я откатила в сторону, а угли разровняла, чтобы было удобно поставить на них сковородку. В котелок бросила горсть «заварки», на всякий случай даже

перекрестила его. Мало ли, вдруг поможет?

— О да, запах еды-ы! — Я втянула аромат горячего масла, наслаждаясь им, как амброзией.

Аккуратно, стараясь не обжечься, разбила яйца, присыпала найденным в сторожке местным аналогом соли и специй и стала ждать. Яйца шкворчали, чай настаивался, глаза умиротворенно закрывались.

— А-а-а! — само собой вырвалось у меня, когда сквозь дремоту я почувствовала лёгкий удар по плечу.

Подскочила, одновременно хватая кочергу, резко обернулась и увидела... зомби. Реально, Эндариэль был сейчас минимально похож на эльфа, а вот зомби из него вышел преотменный. Кожа серая с голубоватым отливом, круги под глазами лилово-черные, щёки впали, губы синюшные, взгляд шальной.

— С-совсем спятил — так меня пу-пугать, — заикаясь и пятясь от него, я выставила кочергу, как меч.

Потом поняла, что она ни разу не острая, и зомбоэльф сможет легко у меня её выхватить, и взяла её по-другому, как обычно держат биту.

Не обращая на меня никакого внимания, этот упырь пошагал к очагу, где уже начала подгорать вожделенная яичница. Потянулся к сковороде голой рукой, даже не подумав о ручке или хотя бы тряпке, чтобы защититься от ожога. Ручка, к слову, имелась, но была съемной и лежала на табурете, с которого он меня согнал.

— Это моя яичница! — заверещала я и бросилась ему наперерез.

Ткнула ему в бок кочергой, а потом и вовсе загородила подход к очагу.

— Тебе жалко что ли? — внезапно разумно спросил Эндариэль.

И взгляд уже не такой чумной, и цвет лица, вроде, получше.

— Знал бы ты, как я эти яйца добывала, — устало выдохнула я. — Кстати, если бы ты нормально попросил, я бы поделилась.

И тут запахло горелым.

Забыв обо всём, я схватила ручку, подцепила ей сковороду и буквально в последний момент спасла наш обед. Да, он вышел зажаристым, но есть можно. Особенно когда голоден, как стадо кабанов.

— Пошли, болезный, так уж и быть, поделюсь. — Махнула рукой в сторону стола.

Он был грубым, массивным и очень крепким. Тут всё такое было, на самом деле, начиная с бревенчатых стен, заканчивая брутальным трёхногим табуретом. Тарелки здесь, как и кружки, были массивными, сделанными из тёмно-коричневой глины. Вилки, возможно, ещё не изобрели, хотя, вполне вероятно, лесник ими попросту не пользовался. Хорошо хоть ложка нашлась и та одна, её я захватила на правах повара. И вообще, я девочка.

Эльф даже ухом не повел, дождался своей очереди, после чего с блаженным выражением лица съел свою порцию. Ел медленно, периодически жмурился, пару раз даже улыбнулся.

— Вкусно? — Я встала, чтобы налить в кружки чай.

Жаль, что сахара здесь не нашлось, не говоря уже о конфетке.

— Да, вкус такой необычный, — вновь улыбнулся Эндель.
— А это что?

Он кивнул на кружки, куда я как раз налила чай. Делала это очень аккуратно, чтобы листья не попали, ведь ситечка здесь, как и вилок, не наблюдалось.

— Чай, — улыбнулась ему в ответ.

Надо же, как он похорошел после еды. Похоже, он возвращается в норму, что не может не радовать! Я, конечно, молодец – отпугнула кабаножирафа, смогла добыть яйца и даже их приготовить, но хотелось бы иметь помощника в непростом деле выживания. Другой мир, незнакомые нравы, да что там нравы? Незнакомое всё!

Напиток оказался терпким, немного пряным и очень вкусным. Конечно, не помешала бы ложечка мёда, но и так неплохо.

— Ты что, заварила карамыш? — эльф изумлённо вскинул брови.

Но пить при этом не переставал, значит, не отравя.

— А что такое карамыш? — я смачно зевнула, хотя до

этого чувствовала себя более чем бодрой.

— Да так, травка для релакса, — вновь улыбнулся эльф, да так задорно, что я заподозрила неладное.

— Какого такого релакса?

— Выспишься хорошо, расслабишься, сны интересные посмотришь.

М-да, это только я могла так вляпаться. С другой стороны, может, мне реально полегчает?

На этой светлой мысли мои глаза закрылись, голова потяжелела, последнее, что я почувствовала – это сильные руки эльфа, положившие меня на кровать. А потом мне начал сниться дивный сон, от которого я не могла оторваться...

Глава 8. Жила-была Рита

— Рита, если ты сольёшься, я больше никогда никуда тебя не позову! — возопила Ксюша, угрожающе размахивая расчёской.

Мы сидели у меня в комнате после тяжёлого учебного дня, точнее недели, которая казалась воистину бесконечной. Сегодня была суббота, а завтра – единственный свободный день, который я хотела провести в горизонтальной плоскости. И это ещё сессия не началась, просто на третьем курсе преподы одновременно решили, что пора нам хлебнуть взрослых нагрузок.

Не сказать, чтобы до этого нам особо легко жилось.

Лекции, семинары, коллоквиумы, конспекты и прочее, и прочее. Если честно, мне так надоела маркетинговая статистика, хоть вой. Но я же послушная дочь, раз уж начала учиться, надо закончить образование. Приобрести профессию.

Так любит говорить моя мама.

Мнение папы спросить не могу – он погиб еще два года назад. С тех пор стало совсем тяжело, приходится подрабатывать парикмахером на дому. Самое забавное, что я нигде этому не училась, просто крепкая рука, сметливый взгляд и терпение. Видеоуроки опять же. А ещё сарафанное радио соседей и их друзей, ведь получалось у меня очень даже неплохо.

хо, а брала я меньше, чем в салонах.

— У меня сегодня еще два клиента, — тяжело вздохнула я, поправляя выбившуюся из хвоста прядь.

С одной стороны, густые, длинные волосы – это красиво, с другой – такая морока. Всё подумываю обстричь их покороче, да мама против. Говорит, жалко такую гриву терять. А это действительно грива каштановых волос, которая после последнего подравнивания уже снова отросла ниже лопаток.

— Сегодня – не завтра, — продолжала продавливать свою тему Ксюша.

Эта длинноногая егоза, несмотря на усталость, подскочила и тряхнула своей куда более короткой шевелюрой с красными прядями, которые я ей лично делала, между прочим. Хорошо получилось, может, и себе так сделаю, когда настроение найдёт.

— Завтра я никого не брала, так как дико устала за эту неделю, — пришлось признаться, ибо врать не хорошо.

Да и всё равно она бы узнала, не от меня, так от мамы. Мы дружим с ней с четырёх лет, как только моя семья переехала в этот дом. Мы поселились на третьем этаже, а Ксюша жила на первом. Разница у нас совсем небольшая – полтора года. Ксюша младше, но гораздо бойчее меня. Она уже не только целовалась с парнями, но даже занималась сексом. Причём не один раз! Я в этом плане более осторожная, но дело не только в этом – я бываю слишком ехидной. Как что сказану, так парни почему-то обижаются. Поэтому по большей части

стараюсь молчать, комментирую происходящее про себя, но люди умудряются уловить мой сарказм даже без слов. Видимо, меня выдаёт мимика.

— Ну вот, до обеда выспишься, потом наведём марафет, приоденемся и поедем в кафешку, — бодро тараторила Ксюха.

Словесный гейзер прервал звонок в дверь.

— О, тётя Маша пришла! — от радости, что можно сбежать от её неуёмного энтузиазма, я вполне бодро подскочила, хотя секунду назад казалось, что с места меня сдвинет только бульдозер.

Ксюха в таком контексте тянула максимум на самокат. Местами электросамокат.

— Корчагина, не думай, что ты отмазалась! — крикнула мне во след неугомонная подруга. — А то так и помрешь девственницей!

О, Боже, надеюсь, это не слышали за дверью! Как хорошо, что мама ещё с работы не пришла, а то она у меня строгая. Она и Ксюшу не сказать, чтобы сильно любит, всё боится, что она меня плохому научит. Но дружить не запрещает, видит, что у меня своя голова на плечах имеется, к тому же Ксюша тоже учится, причём очень даже неплохо. Просто она безбашенная.

Порой я ей даже завидую.

— Добрый вечер, Риточка, — поздоровалась бодрая старушка с пятого этажа.

Моя постоянная клиентка, а ещё очень заводная бабулька. Нашла себе какого-то дедка, крутит перед ним хвостом, каждый месяц седину закрашивает.

— Добрый вечер, Мария Степановна, — я посторонилась, пропуская её в коридор. — Что сегодня будем делать?

— Я тут подумала, — энергичная бабулечка озорно блеснула взглядом. — Давай сделаем мелирование. Рыжее!

Я чуть не упала. Не то, чтобы я не умела, делала и не один раз, но чтобы Мария Степановна такое отмочила! Несмотря на общую бодрость и ухоженность, на столь радикальный шаг она раньше не решалась.

— Ну, вы даёте! — я развела руками, показывая, насколько сильно она меня впечатлила, после чего мы прошли с ней в комнату (самую маленькую в нашей квартире), где всё было оборудовано под работу.

Большое кресло, зеркало и прочее нам досталось от маминой подруги, которая в своё время переехала в Италию. Нашла по переписке какого-то мужичка, съездила туда пару раз, а потом решила перебраться с концами. Свой салон красоты расформировала, а часть оборудования, которое не успела до отлёта продать, попросила временно поддержать у нас, благо, есть свободная комната.

Ничто в нашем мире так не постоянно, как временное.

Она даже обрадовалась, что оборудование пригодились лично мне, денег брать за него не стала, лишь благословила на заработки. Собственно, именно благодаря тому, что у нас

уже всё это было, я и рискнула попробовать себя в парикмахерском деле. Как показало время, у меня к этому талант, что не могло не радовать.

С бабой Машей я провозилась довольно долго, но результат того стоил. Благодаря рыжим прядкам она приобрела практически гламурный вид. Подумаешь, ей слегка за шестьдесят, сейчас она выглядела максимум на пятьдесят! А уж когда глаза подкрасит и новое платье наденет...

— Всё, Мария Степановна у меня уже следующий клиент заждался, — я провела говорливую старушку в коридор, правда, она почему-то рванула назад, едва увидела, кто именно там сидел в ожидании своей очереди.

— Петенька! — воскликнула она неожиданно тонким голосом. — Не смотри!

Она юркнула обратно в комнату, словно только что не жаловалась на побаливающее колено.

— Машенька, что случилось? — недоумённо вытаращил глаза «Петенька» годков семидесяти или около того.

Так вот кого подцепила Мария Степановна! Надо же, как тесен мир, и тот, и другая – мои клиенты. И, похоже, оба решили причесать пёрышки перед ответственным свиданием. Навести лоска, так сказать.

— Всё хорошо, просто я не хочу, чтобы ты увидел мой сюрприз раньше времени! — взволнованный голос соседки звучал с очень даже молодыми интонациями.

Почти как у Ксюхи, когда она разговаривает со своим ха-

халем. К слову, подружка моя слиняла, как только я приступила к работе. Оно и понятно, ей тоже надо готовиться ко дню рождения, вот только одно понять не могу – где она взяла денег на тусовку в кафе? Раньше мы отмечали сей знаменательный день дома, потом шли гулять по набережной, если, конечно, не было дождя. Вообще, в конце октября погода особо не балует, но зато ещё не ложится снег. А если он и идёт, то быстро тает.

— Машенька, я всё понимаю, но как меня будут подстригать, если ты засела в приёмном кабинете? — резонно отметил Пётр Олегович.

Он так забавно растягивал слова и вместо е говорил э, что я почти хихикнула.

Такие забавные старички. И в то же время очень трогательные.

— Тогда, Петенька, закрой глаза, я проскользну, а ты пойдёшь красоту наводить, — предложила Мария Степановна.

Разумеется, её ухажёр согласился и честно прикрыл веки. Я было тоже повторила за ним, но быстро опомнилась – мне-то ни к чему соблюдать конспирацию. Соседка осторожно выглянула из комнаты, убедилась, что дедок соблюдает правила договора, и пришаркивающей кошечкой выскользнула из квартиры.

Да, больная коленка – это вам не шутки.

Я думала, что с Петром Олеговичем много времени не понадобится, как и с любым другим мужчиной, но не тут-то бы-

ло! То там ему надо было волосок подравнять, то сям. Шею (изрядно волосатую) пришлось тоже слегка облагородить, а потом и вовсе перейти на уши, для чего пришлось доставать машинку со специальными насадками. Благо, и такая у меня имелась. И всё это время он исподтишка пытался выведать, как же на самом деле относится к нему Мария Степановна.

— Прекрасно относится, — в очередной раз повторила я, утирая трудовой пот. — Завтра увидите, какую красоту мы ей навели. Всё для вас!

Дедуля довольно качнул головой и попросил заняться... носом. Блин, да что ж такое! Это сколько же у него волос? Тестостерон так и прёт, несмотря на возраст. На бровях кстати, тоже.

В итоге я неплохо на нём заработала, учитывая о-чень широкий спектр услуг. Устала, как собака, зато денежка приятно хрустела в кармане, надо будет не забыть переложить её в кошелёк.

— Хорошая ты девочка, — выдал мне на прощание Пётр Олегович. — Мужика тебе надо стоящего, чтобы на руках носил.

Я привычно отмахнулась. Мужик мужику рознь. Я всё смотрю на ксюхиных ухажёров и понимаю, что ни на кого бы из них не клюнула. С другой стороны, через месяц мне исполнится двадцать один, а у меня никого нет. И дело не только в моем внутреннем ехидстве. Учёба, подработка и домашние хлопоты съедают практически все силы и время.

Единственная отдушина — это Ксюша, которая всегда знает, как меня поддержать. Вот и сейчас она совершенно права — нельзя пропускать такое событие, как бы ни хотелось проваляться всё воскресенье в горизонтальном положении.

— Ладно, твоя взяла, — выдала я ей в трубку после того, как прибралась после клиентов и открыла окно на проветривание.

— Ура! — возликовала эта егоза. — Можешь даже подарок не дарить!

— Нет уж, я давно всё купила, — я с любовью погладила бантик на коробочке.

Внутри лежал набор лаков, на которые Ксюша сильно падка. Стоили они немало, но я умудрилась заказать на ВБ с хорошей скидкой.

— А следующий тост мы поднимаем за левую пятку именинницы! — радостно провозгласил какой-то дредастый мужик, чье тело практически полностью покрывали татуировки.

Конечно, я могла видеть только то, что выглядывало из-под одежды, но выглядывало, несмотря на конец октября, много, ибо парень завалился на праздник в футболке и шортах до колен. Вдобавок ко всему в брови, в языке и, Бог знает, где ещё у него сверкал пирсинг.

Где его откопала Ксюха — понятия не имею. В какой мо-

мент он присоединился к нашей компании – не помню. Просто очередной тост сказал он, и понеслось... То пятка, то ухо, то глаз, а потом и нижние девяносто потребовали срочной обмывки.

Иначе плохо работать будут.

Глянув на часы, я с ужасом обнаружила, что уже десять вечера. Ёпрст! А ведь ещё надо добраться до дома, привести себя в порядок, собрать сумку на завтра и подготовить одежду. Утром я плохо соображаю и двигаюсь по квартире, как сонная муха. Оперативной памяти хватает только на умывание, завтрак и одевание. Потом в автобусе я досыпаю, до университета вообще иду на автопилоте. Взбадривает меня только шум студентов и грозный вид преподавателя. А если преподаватель не очень грозный, то я, каюсь, могу на первой паре догнать неоконченный сон.

Одевшись, я вышла из кафе, вот только потом, сама не знаю почему, вместо того, чтобы пойти на остановку, я села в машину с Ксюхой, её парнем и тем дредастым татуированным пирсингистом.

— А куда мы едем? — весело спросила я, позабыв о том, что вообще-то собиралась домой.

— В мой тату-салон, — растягивая слова, выдал странный типчик. — Можешь называть меня Гуру.

Я не выдержала и хихикнула.

— А что мы там будем делать, Гуря? — меня отчего-то так и распирало веселье.

Словно мне вовсе некуда спешить, словно впереди меня ждёт классное приключение.

— Посмотрим по ходу дела, — хитро подмигнул мне Гуру.

А дело пошло совсем не так, как я даже подумать могла. Вообще, судя по щебету Ксюхи, Гуру обещал ей деньжоденскую татуировку. Меня взяли в качестве эстет-эксперта ну и для моральной поддержки. Собственно, тут ничего удивительного, мы всегда друг другу помогали. Но когда мы добрались до его логова, весьма стильно оформленного, стоит отметить, татуировку стали делать... мне.

Ксюха долго не могла определиться с рисунком – слишком придирчиво искала бабочку своей мечты, дабы набить её внизу живота. А вот мне довольно быстро глянулась одна картинка, которую я даже сохранила себе на телефон. Не спрашивайте зачем, сама не знаю.

— Давай, красотка, не бойся, тебе понравится, — приговаривал Гуру, протирая спиртом мою оголенную спину.

Когда я успела спустить платье до пояса – в упор не помню. Похоже, сегодня было слишком много тостов, к тому же Гуру поджёг курительные палочки, которые от которых пошёл слишком тяжёлый запах. Голова кружилась от недостатка кислорода, а я всё пыталась понять, какие благовония в палочках. В своё время я много чего перенюхала, ибо мы с Ксюхой периодически делали набег на индийский магазинчик, поэтому в теме более-менее разбиралась. Я даже сари

пару раз померяла, но на покупку так и не решилась.

— Можно открыть форточку? — попросила я, с мольбой глядя на окна.

Они располагались практически под потолком, так как сам салон находился в подвальном помещении. Как я уже говорила, оформлен он был стильно: на кирпичных стенах висели графические монохромные рисунки, причём не в рамках, а просто натянутые на каркасы. Вся мебель была лаконичной, в стиле хай-тек, единственное, что слегка смягчало брутальную обстановку — это мягкие тапочки, которые надел Гуру, едва вошёл внутрь.

Я едва не рассмеялась от сочетания. Представьте себе мужика в наколках и пирсинге, в чёрных шортах с белыми черепами, чёрной же футболке и... белых пушистых тапочках с заячьими ушками. Бруталити-фаталити. Впрочем, как выяснилось, мастером он был отменным, поэтому я плюнула на внешность и расслабилась. К тому же он открыл форточку, отчего голова стала кружиться чуть меньше.

Сам процесс набивки тату оказался не таким страшным, как я всегда представляла. Иногда пощипывало, а то и вовсе простреливало, но руки у Гуру были просто волшебные — стоило им коснуться моей кожи, как боль тут же уходила, а по спине пробегала приятная волна.

— Всё, первое время не мыть, не мочить, плёнку не снимать. — Гуру ловко натянул моё платье обратно на плечи. — Ксюха, ты определилась?

Подруга, наконец, выбрала свою бабочку и оголила требуемое для процесса место. А вот я... мне стало ещё веселее, чем было ранее, и я принялась ловить бабочек.

Сначала появилась одна – крупная, зелёная с черно-белыми разводами. Она прилетела ко мне откуда-то с потолка, уселась на плечо и защекотала усиками прямо по уху. Я, естественно, взвизгнула, подпрыгнула, отчего бабочка сорвалась и заметалась по комнате. Следом за ней появились менее крупные бабочки – белые с красивыми цветными вкраплениями. У кого-то они были голубыми, у кого-то зелёными, а у кого-то серыми. И только у одной из них «глазки» отличали янтарём.

Именно за этой бабочкой я и погналась. В процессе чего я только не творила: залезла на стол, скакала по стульям, отчего моё элегантное чёрное платье частично прорвалось по боковым швам, а колготки прорезали стрелки. Всё это безобразие закончилось тем, что я рухнула на пол, стукнулась головой и потеряла сознание. Последнее, что я видела – это тот самый мотылёк, к которому подлетели его собраты и... оторвали ему крылышки.

«Вот гады!» — подумала я и отключилась.

И только белый мотылёк с оторванными крылышками, на которых словно сияли янтарные крапинки, занозой засел в сердце.

Глава 9. Соединить реальности

Открыв глаза, я всё ещё продолжала переживать за того мотылька и его крылышки, поэтому не сразу поняла, что на меня смотрят. Янтарные глаза эльфа, сидевшего на краю кровати, глядели с лёгкой грустью.

— Проснулась? — качнул он головой.

Я лишь кивнула в ответ, внутренне переваривая то ли сон, то ли бред.

— Скажи мне, как ты умудрилась украсть у белой кобры яйца и при этом избежать смерти от её яда? — Для лучшего понимания вопроса, Эндариэль предъявил мне розовые скорлупки от разбитых яиц.

— Кобры? — я потерла нос, стараясь собрать мысли в кучку. — А разве змеи не откладывают яйца в песок?

— Обычные – да, — иронично хмыкнул эльф, — но белая кобра – особая.

— Только не говори, что и она у вас священная, я ещё от птички не отошла. — Напоминать о казни и изгнании за нечаянное убийство чивиль я не стала.

Эндариэль и без меня всё прекрасно помнит. Надеюсь, он достаточно восстановился после отрубания волос. Знать бы ещё, почему в принципе на них так сильно действует эта процедура.

— Не священная, но очень редкая и уважаемая. — Эльф

аккуратно потрогал обрезанный кончик волос и болезненно поморщился.

— Змея уважаемая? — Я еле сдержалась, чтобы не повторить его движение. Всё-таки мы не настолько близко знакомы, чтобы вторгаться в личное пространство. — За какие такие достижения?

— Она разумная, много знает, у них сильная родовая память. — Эльф так горестно вздохнул, словно и её убил.

— Я не знала, у нас такие не водятся, — пожала плечами, мол, не виноватая я. — У нас в принципе разумных животных нет. Точнее, у них у всех есть разум, но до человеческого не дотягивает. С ними уж точно не поговоришь, если только в форме монолога.

И тут я вспомнила, как на мои вопли отмявливается кошка и поняла, что лукавлю. Судя по некоторым интонациям, иногда она меня явно посылает.

— У вас – это у кого? — осторожно спросил эльф.

— Да кто б знал, — вздохнула я и рассказала ему о странном сне.

В процессе пришлось пояснять практически всё: и что такое кафе, и кто такие машины, и прочее, и прочее. Под конец у меня так пересохло в горле, что я прервалась на попить. Разумеется, к остаткам чая я не притронулась, а то мало ли, вдруг опять накроет?

— Слушай, а почему тебя мой чай не взял? — Я с подозрением уставилась на остроухого.

— Потому что я – эльф, на меня травы по-другому действуют. Хотя я тоже неплохо вздремнул, пока меня кобра не разбудила.

— Кобра? Она здесь была?

— Конечно, ты ведь украла её детей.

Я смущённо потупила глаза, вспоминая, какой вкусной была яичница.

— Ну, что поделать? Новые яйца отложит.

— Эта точно нет, — так грустно вздохнул эльф, что теперь я окончательно насторожилась. — Пришлось её убить.

Час от часу не легче!

— Надеюсь, тебе за это ничего не грозит? — Не хватало ему ещё и из-за моих необдуманных действий влететь в новую передрагу.

— Я и так изгнанник, терять уже нечего.

Эльф говорил спокойно, без надрыва, но была в его словах такая тяжесть, которая даже на меня давила. Хотя, казалось бы, причём тут я?

— А жизнь? — в конце концов, жить можно не только в Великом Лесу.

Умный, умелый человек, даже если он эльф, много где может пригодиться.

— Жизнь моя уже никогда не будет полноценной, я – калека. — Эндариэль поморщился и досадливо тряхнул обрешанной шевелюрой.

— Из-за волос? — Так, кажется, мы подобрались к само-

му интересному.

— Да, без них я не чувствую течение Силы, не могу ощутить энергию леса. Я теперь навсегда отрезан от Великого Древа и Источника.

Ё-моё, как у них всё сложно! Я задумалась. Крепко. Это что получается, они никогда не подстригаются? А если надоело или кончики секутся?

— Слушай, а если кто-то отрезал волосы случайно или вынужденно? Мало ли, какая ситуация, может, репы намертво застряли в волосах или ещё какая беда.

Я чуть про жвачку в волосах не ляпнула, но вовремя спохватилась, что тут такого добра вряд ли найдёшь.

— Да, иногда и такое случается, тогда эльф временно теряет связь, но восстанавливает её с помощью Источника и специальных процедур.

— Которых тебя лишили, изгнав из Леса, — поняла, наконец, я.

— Да. — Эндариэль поджал губы, явно тяготясь разговором, но меня было уже не остановить.

Слишком необычно всё это, а ещё несправедливо. По моему скромному мнению.

— Но когда-то волосы всё равно отрастут?

— Как раньше уже не будет. Волосы начали темнеть. Сила уходит, они перестали быть проводниками.

Засада, конечно, но с другой стороны...

— То есть скоро ты станешь брюнетом? — Если честно,

блондины мне не очень, а вот темноволосые мужчины кажутся более привлекательными.

Хотя, это, конечно, глупость. Главное, что у человека внутри. В данной ситуации — у эльфа.

— Скоро я стану обычным человеком. Уже им стал. — Короткое пожатие плечами, пустой взгляд перед собой, и я понимаю, что цвет волос как таковой волнует его в последнюю очередь. — Да, ловкость, воинское мастерство, знания — это со мной навсегда, если себя не заброшу, но...

Он прервался, с тоской взглянув в окно.

— Но ты больше никогда не увидишь радугу, — прошептала я, еле сдерживая наворачивающиеся слезы. — Образно выражаясь.

— Если упрощённо, то да. Но на самом деле, это как лишиться рук или ног.

Или глаз...

Нет, этого я вслух говорить не буду, пора отстать от эльфа, сижу, ковыряясь в его ране, а он ведь только-только в себя пришёл. Поел, попил, разговаривать начал.

— С другой стороны, ты вообще лишилась своего мира, — неожиданно эльф перевел тему на меня.

И я была этому рада. Потому что ещё немного, и я не сдержала бы слёз.

— Понять бы, как это произошло... — Как ни странно, но по своей участи лить слёзы не тянуло, хотя приключение специфическое, конечно.

То замуж к оркам чуть не попала, то эльфы чудом не пристрелили, потом и вовсе треш и угар. Гуляние по полю на закате, какие-то непонятные звери, заветные змеиные яйца. Кстати, о яйцах!

— Подожди, у меня остался вопрос по змее, — я подняла палец, мол, это для меня важно. — Раз она разумная, почему ты с ней не объяснился, почему пришлось убить?

— Она не стала меня даже слушать, — развёл руками Эндариэль. — Материнский инстинкт.

— Ясно. — Грустно, конечно.

Но опять же, чувства вины я не испытывала. Кто ж знал, чьи это яйца? К тому же, они спасли нас от голода. Не известно, в каком состоянии был бы сейчас эльф. О, а это мысль!

— Скажи, а эти яйца помогли тебе восстановиться?

— Да, как и твой чай. А в себя я пришёл благодаря тому, что ты воскурила корень зевалора.

Ага, вот, значит, как назывались те корешки в туюске. Они мне хорошо помогли развести огонь в очаге. Ой!..

— Надеюсь, это не какая-то священная трава? — я сделала испуганные глаза.

На всякий случай, а то вдруг и впрямь.

— Нет, — усмехнулся Эндариэль, — но корешок довольно редкий, на рынке стоит немало. Ну да леснику такой найти — плевое дело. Можешь не переживать.

— Фух, и на том спасибо! — Я даже перекрестилась по привычке, на что эльф странно покосился. — Ладно, вер-

нёмся теперь к моему попаданию сюда.

А то отвлеклись.

— Странности с тобой начали происходить после того, как тебе сделали рисунок на коже. — Эндариэль азартно приступил к делу, начав с главного. — Покажешь?

— Почему бы и нет, вот только...

Как бы так сделать, чтобы и спину показать, и последнее платье при этом не снимать?

— Я выйду из дома, ты можешь раздеться, лечь и укрыться одеялом. Обещаю, твоя честь не будет осквернена.

Ух, как сказал! Вот сразу ему веришь, что не осквернит. Хотя... может, я и не против чуть-чуть оскверниться.

— Хорошо, давай так и сделаем. — Потому что одно дело подумать о неприличном варианте а другое – его осуществить.

Да ему, скорее всего, вообще не до этого. Его калекой сделали, жизнь на сто восемьдесят градусов развернули, только-только в себя стал приходить. И тут я такая распрекрасная, ага.

Поцелуй меня с разбега, я за деревом стою.

Пока я размышляла на сию философскую тему, Эндариэль успел выйти. Я поскорее развязала узел на верёвке (чуть палец впопыхах не вывихнула), сняла платье (которому явно не помешала бы стирка), легла на кровать лицом вниз и прикрылась одеялом до поясницы.

— Заходи! — крикнула я в лучших традициях роковой

соблазнительницы.

Шучу, конечно, какая из меня роковая женщина? Я знаю только теорию и ту не досконально. Хотя от Ксюхи и из интернета в целом немало почерпнула.

Скрипнула дверь и... больше ничего. Шагов эльфа я не услышала, пришлось голову повернуть, чтобы обнаружить его возле самой кровати.

— Господи, ты так тихо ходишь! — пискнула я, краснея от собственной глупости и утыкаясь лицом в подушку.

Ну, конечно, он же эльф! Им по канону положено неслышно передвигаться.

— Прости, не хотел тебя напугать, — сдавленно проговорил мужчина.

Кажется, не я одна смутилась. Фух, ну хоть так, а то чувствую себя дура душой.

— Что там? — пора переводить тему в деловое русло.

Для чего я тут, собственно, раздевалась и краснела? Конечно, я примерно знала, что там, мне и Урлан говорила, что на спине золотистая бабочка, но эльф в этом плане более подкованный. К тому же, мне нужны детали, чтобы сверить с картинкой из сна.

— Бабочка. Большая, очень красивая, напоминает нашего аралона.

Мне показалось, или на том самом месте стало теплее?

— Аралона? — Повернула к нему голову и успела мельком увидеть, как он отдернул от меня руку.

Ага, значит, тепло не померещилось. Он подносил свою руку к моей спине, но не прикасался.

— Да, аралоны водятся в Великом Лесу, особенно много их летает возле Ильдрасия.

— Ого! Так это получается, что я могла предъявить татуировку тому злому эльфу, и фиг бы они меня выгнали?

Я чуть не подскочила от эмоций, но вовремя спохватилась, что вообще-то голая.

— Вряд ли, — грустно усмехнулся Эндариэль. — Скорее тебя бы обвинили в осквернении её светлого образа. У эльфов не принято делать татуировки, негоже уродовать то, что создала мать природа.

В принципе, я была с этим согласна, сама не понимаю, как согласилась на татушку. Может, этот дредоносец меня загипнотизировал?

— Слушай, а кто у вас вообще делает татуировки?

— Людские маги. Они слабые, нормальной силы у них нет, а таким образом они пытаются усилить себя. Насчёт результатов сказать ничего не могу, только то, что чистокровные люди в числе сильных магов никогда замечены не были. Хоть с татуировками они, хоть нет.

— Понятно, — я зябко передёрнула плечами. — А моя татуировка какая? Магическая?

— Понятия не имею, — вздохнул Эндариэль. — Я в них не разбираюсь. И почувствовать ничего сейчас не могу.

— Жаль, — я тоже вздохнула и почти решилась попро-

сидеть потрогать её, мол, мне бы абрис рисунка почувствовать, но наш интим безжалостно прервали.

— О, а что это вы тут делаете? — прозвучал классический вопрос от неожиданного гостя.

Точнее, это мы были гостями в его сторожке. И по-хорошему должны сказать ему спасибо за то, что не бросил. Что нашёл нас в ночи, принёс сюда, спать уложил на собственную кровать. Но в сложившейся ситуации как-то не благодарилось. Хотелось возмутиться и потребовать закрыть дверь с той стороны.

— Приветствую тебя, Джур. — Эндариэль поспешно встал и, в отличие от меня, начал адекватную беседу. — Татуировку изучаем. Ты в них разбираешься?

Лесник некоторое время молчал, видимо, сопоставлял слова и картинку. Потом до него дошло, что татуировка на моей спине, потому и обстановка двусмысленная, и он двинулся к кровати.

— Нифига себе её разрисовали! — присвистнул кудрявый, небритый мужчина. — Это орки так расстарались? У них, вроде, такого нет, но кто ж знает.

— Нет, это было до орков, — эльф вовремя поймал мой предупредительный взгляд и тему моего попадания не развивил.

За что я была ему очень благодарна. Не хватало ещё, чтобы обо мне пошла молва, бегай потом от всяких любителей экзотики. Мне бы в ситуации разобраться, понять, что к че-

му, трусами обзавестись, в конце концов! Мои-то Урлан сожгла вместе с лифчиком, порванным платьем и колготками.

Последние реанимации не подлежали, конечно, а вот платье по шву разошлось, можно было бы и зашить как-нибудь.

— Ладно, посмотрели, и будет, — проворчала я в подушку. О том, что вообще-то хотела расспросить Эндариэля о деталях рисунка, вылетело у меня из головы. — Выйдите, пожалуйста, я оденусь.

Хвала небесам, мою просьбу выполнили. Правда, как вскоре выяснилось, нижнее платье здесь считалось исподним, и выглядела я в нём всё равно неприлично и даже распущенно. Пофиг. Дайте мне для начала поесть, а то одни нервы с этим дивным, неизведанным миром, куда меня занесло совершенно непонятным образом.

Вот бы найти сейчас того дредастого татуировщика, прижать его к стенке и пытаться эльфом, что он там со мной наворотил!

Глава 10. Модный приговор

Ужинали мы шашлыком из белой, некогда разумной змеи, на гарнир был какой-то овощ, который достал из подпола (где, как выяснилось, и лежал запас продуктов) лесник.

Его звали Джур. Лесника, не овощ. У овоща было такое зубодробительное название, что я сразу и не запомнила. На вид он напоминал баклажан, только более плотной текстуры. Мы запекли его в углях прямо в очаге, предварительно обмазав тестом, которое Джур споро замешал в какой-то посудине.

Выглядело это эпично.

Лесник явно делал это в сто пятьсот раз, прямо как моя бабуля. Он лихо смешал муку, воду и парочку яиц (на вид вполне себе куриных, но уточнять я не стала), потом опытными, точно выверенными движениями замесил тесто, а после раскатал из него много овальных сочней, в которые укатал овощи. Получилось очень даже ничего. Вкус напоминал нечто среднее между картошкой и баклажаном. Пикантненько. Не менее пикантненько было есть змею. Мясо вышло сочным, напоминало куриное, и я бы не отказалась от добавки.

— Деву надо срочно во что-то одеть, не дело ходить в исподнем, — ворчливо выдал Джур под конец ужина.

О, Боже, так вот почему он такой нервный весь вечер. Так

старательно отводит от меня взгляд, словно я тут голышом щеголяю. На худой конец, в купальнике. А вот Эндариэлю хоть бы хны, наверное, у них в Лесу более свободная мода, хотя, если вспомнить реакцию тех эльфов на то, как я подняла подол платья... Ох уж этот другой мир, попробуй, разберись, что тут у них и как. И всё равно где-нибудь да притаится подвох, особенно с чем-нибудь священным.

— Да ладно тебе, эльфийки ещё и не так одеваются, — подтвердил мою догадку Энди. — Главное, чтобы тело в принципе было прикрыто, особенно ноги.

— То эльфийки, у них нет таких... — выразительный взгляд на мою грудь возмутил меня до глубины души.

Нашелся критикан! У самого борода не стрижена, голова не чёсана, зубы не чищены, а всё туда же. Эксперт, блин, по модному приговору.

Эндариэль задумчиво скользнул взглядом по объектам обсуждения и пожал плечами.

— Она и не эльфийка, для человека там всё в пределах нормы. А для орчанки так и маловато будет.

Я не выдержала. Ну ладно этот мужлан, но эльф! Да я ему тут жизнь спасла, понимаешь, а он...

— Так, эксперты в мире моды и красоты, выговорились? Теперь моя очередь! — От избытка эмоций я встала в полный рост, ноги расставила на ширину плеч, руки уперла в бока. — Начну с тебя, лесник. Где твоя расчёска?

Бедный мужик аж опешил. Поскреб голову, возможно,

ища в буйных кудрях затерянный гребешок. Видимо, не нашёл, после чего встал, доковылял до шкафчика, из недр которого он таки извлёк искомое. Я зорким коршуном следила за его передвижениями и потому заметила знакомо блеснувший предмет, лежавший в тех же недрах.

— Ножницы! — мой ликующий вопль заставил вздрогнуть даже невозмутимого эльфа, что уж говорить о леснике. — Их тоже сюда давай. И шампунь тащи, раз такое дело.

Вот на шампуне мужик окончательно поломался. Не было у него такой «бабской роскоши», нашёлся лишь кусок мыла. Что ж, это лучше, чем ничего, поэтому...

Как вы понимаете, я оторвалась за все мучения, пережитые за последние двое суток. Да, мужик не виноват, более того, он спас нас с Эндариэлем от ночёвки в лесу, кроватью поделился. Это всё правда, но не надо было обсуждать в таком тоне мою одежду и, самое главное, грудь!

Он разбудил во мне модного монстра.

Да, нелегко ему пришлось. Сначала я помыла ему голову и бороду на три раза, тщательно намылив волосы. Потом, продаваясь сквозь колтуны, расчесала их и... принялась стричь. О, как мне не хватало своего инструмента! Мои ножницы, такие острые, так удобно лежащие в руке... Моя машинка, которой так хорошо брить затылок, равнять виски и прочее...

Но я была бы не я, если бы не справилась! Укротила леснику и буйную шевелюру, и не менее буйную бороду. Кое-

где даже ножом рискнула подровнять и при этом не порезала пациента. Ой, простите, клиента.

Джур сидел и дышал через раз. Чего он боялся больше — колюще-режущих предметов в моих руках или груди второго размера под неприличным платьем, неизвестно. Подозреваю, его волновало и то, и другое. А вот что ужасало больше — затрудняюсь предположить. Возможно, для такого сурового мужика нежная девичья грудь перед глазами (прикрытая некогда белой тканью нательного платья, но не суть) более страшное испытание, нежели угроза быть порезанным.

— Ну как? — уже куда более спокойным голосом, ибо весь свой пыл я отдала в дело, спросила у эльфа.

У лесника спрашивать не было никакого смысла, ибо зеркала здесь не водилось.

— Знаешь, никогда бы не подумал, что ты можешь так выглядеть, — задумчиво протянул Эндариэль. — Хоть завтра замуж. Точнее, ехать свататься.

Лесник мучительно покраснел до корней свежестриженных волос.

— Вообще-то я собирался к концу лета, когда подкопил бы денег, — замялся он. — Думаешь, не стоит тянуть?

— Думаю, надо брать от жизни максимум, пока она у тебя есть, — горько ухмыльнулся эльф. — Никогда не знаешь, что случится завтра.

— Это точно! — горячо поддержала я Энди. — Сегодня у тебя всё пучком, а завтра хвост собачий. Кстати, насчёт хво-

ста... Давай я и тебя подстригу? Ну, раз уж это необратимо. Сделаю всё стильно, будешь самым модным изгнанником.

— Нет, — прозвучало так резко и категорично, что я вздрогнула.

Сначала нахлынула обида, ведь я же от чистого сердца, но потом я поймала его взгляд, полный боли. Рано ещё. Возможно, сейчас ему будет даже физически больно. Волосы только начали темнеть. Морально тоже тяжело. Он явно ещё не свикся с резкими переменами в своей жизни.

— Хорошо, — пошла я на попятный. — Но если что, обращайся.

Острый, словно лезвие бритвы взгляд, был мне ответом.

Вечер плавно перетекал в ночь, вопрос, кто будет спать сегодня на кровати, встал ребром. Разумеется, я считала, что дамам нужно уступать. Эльфа, вышедшего из бессознательного состояния, я к себе зазывать не собиралась. Во-первых, неудобно, во-вторых, не так поймут. И вот тут-то на авансцену вышел Джур.

— Мне надо нормально выспаться, — заявил он и двинулся в сторону кровати преткновения. — Я и так эту ночь провёл на полу, а потом целый день вкалывал.

И вот вроде бы прав мужик, как ни крути, но спать на жёстких досках не хотелось. Ещё и с эльфом. Я пусть и сочувствовала его ситуации, но рассуждения о своей груди не простила.

Маловато, значит, у меня, да? По сравнению с орчанками. А по сравнению с эльфийками многовато? Да нифигашечки! Всё у меня в самый раз! Идеальная гармония роста, веса и параметров!

Ничего он не понимает, ушастый изгнанник.

Кстати, возможно, ему ту подставу с чивиль сделали, потому что он слишком прямолинейный. Как вариант.

Пыхтя, как сердитый ёжик, я повесила котелок над очагом, предварительно наполнив его чистой водой. Надоело. Я тут салон красоты им устроила, а они кровать зажилили! Значит, буду мыться. Хотя бы квадратно-гнездовым способом. Хотелось бы и до волос добраться, но воды не хватит, они у меня длинные. Да и мыть простым мылом волосы... с другой стороны, ещё немного, и я буду согласна даже на щелок, если тут такое делают.

Мне прабабушка рассказывала, что в старину, когда мыло было в дефиците, они варили золу, с помощью которой смягчали воду. Та становилась мыльной, и в ней мылись, стирались и прочее. Надеюсь, до этого всё-таки не дойдёт, и я таки обрету шампунь. У орков же было! И у людей должно быть. Осталось выбраться из леса, дойти до местного варианта цивилизации и как-то разжиться предметами первой необходимости.

Когда вода в котелке закипела, вылила её в ведро, разбавила холодной, взяла кусок мыла и демонстративно двинулась к выходу. Да, там неизвестные зверюшки, но сейчас я

так зла, что пусть они меня боятся. В конце концов, завтра надо что-то есть, так что пусть идут и ловят их на живца. Всё в дом, как говорится...

— Ты куда? — спохватился Джур, когда я уже дошла до двери.

— Ловить крабов, — буркнула я, решительно открывая щеколду.

— Стой! — воскликнул лесник, эльф же не стал тратить время на вопли, а просто подскочил к двери и вернул её на место.

То есть в закрытое состояние.

— Ты очень странная девушка, — ошарашенный вид лесника был мне пусть слабым, но утешением.

А вот нечего меня нервировать. У меня, между прочим, непрекращающийся стресс. Мало того, что я попала, Бог знает, куда, так тут ещё куча неизвестного, начиная с биологии, заканчивая политической системой. Из известного совсем немного: здесь водятся орки, эльфы, люди, Ильдрасиль, чивиль, гигантский кузнечик, орочьи собаки, полосатый паук и яйца. О змее я только слышала (и немного ела), диких животных видела всего лишь двух и то недолго. Слышала чириканье птиц и жужжание насекомых, без идентификации.

Всё.

Да любая другая на моём месте давно бы истерику устроила! А я вот держусь, решаю проблемы, как умею, ни разу маму не позвала, а ведь очень хочется. И поплакать тоже хо-

чется. И вообще...

Всё это я вывалила на двух несчастных мужиков, позабыв, что вообще-то собиралась скрывать своё иномирное происхождение от лесника.

— А ещё я ужасно хочу помыться! — продолжила я поток откровений. — И чистое платье. И трусы-ы.

Я всё-таки разревелась. Стояла с ведром, полным тёплой воды, в замызганном нижнем платье и рыдала в три ручья.

— А ты не могла раньше об этом сказать, до того, как село солнце? — растерянно спросил эльф. — Тут неподалёку есть озеро, в нём можно искупаться.

— Когда? — я подняла на него зареванное лицо и еле сдержалась, чтобы не зарычать – уж больно выбесило его недоумение. — Когда ты лежал, не подавая признаков жизни? Или когда мы ели яичницу? А, может, когда ты не предупредил меня о действии на человека той травки, которую я заварила вместо чая, отчего я вырубилась?

Эльф задумался. Явно прокрутил в голове хронометраж событий, понял, что с мытьём мне втиснуться реально было некуда, и соорудил более понятливое лицо. А вот Джур, в отличие от него, сделал лицо куда сложнее.

— Какую-такую травку? — подозрительно спросил он.

— Ничего особенного, просто карамыш, — ответил вместо меня Эндариэль.

Хоть что-то. А то я и название уже забыла, что неудивительно, ведь потом я видела такой дивный сон, до сих пор

понять не могу – правда или нет. Точнее, видение было явно правдивым, учитывая массу деталей из моей прежней (нормальной!) жизни, вот только про бабочку и перемещение я ничего толком не выяснила. Джур помешал осмотру. Ввалился, как бешеный медведь и давай строить из себя девственника на выданье.

Даже на стрижку меня раскрутил особо хитроумным способом. А сам, значит, кровати пожалел. Вот и делай людям добро.

— Я тебя понимаю, — подозрительно ласково, как психиатр с пациентом, заговорил Эндариэль. — Чистота для девушки – очень важный аспект. А ты ещё и столько натерпелась в нашем мире...

— Что, совсем выходить нельзя? — шмыгнула я носом.

Поморгала немного, отряхивая слезы с ресниц. Вытирать их руками не хотелось, так как сами руки были далеки от чистоты. Не хватало мне конъюнктивит развести.

— Тебе одной – не желательно.

— А если не одной? — Тут же ухватила за спасительную зацепку.

— Но это неприлично!

— Так ты отвернешься, — как само собой разумеющееся ответила я. — Пока я моюсь, мочкани кого-нибудь, заодно запас на завтрак сделаем.

Эльф сначала хлопнул глазами, явно переваривая мой спич, а потом хлопнул рукой по лбу и рассмеялся. Причём

я думала, что раз он эльф, то смех будет заливистым, но нет, Эндариэль смеялся довольно низко, короткими грудными смешками.

Мужчина. Ритка, он в первую очередь мужчина, а не просто эльф, хоть и изгнанный. Не красивая картинка, а живой, пусть и не совсем здоровый мужик. И ты тут со своим «отвернешься», «постоишь на стрёме».

Но отказываться от мытья не хотелось. Да у меня всё тело зудит!

С другой стороны, хоть Эндариэль и рассмеялся, но уголки его губ не поднялись вверх, а в глазах, когда он убрал со лба руку, всё равно виднелась грусть. Да и сам смех, как я уже сказала, был странный, под конец он даже закашлял, словно ему сдавило горло.

— Ладно, пойдём, покараулю тебя, — выдал эльф и открыл дверь.

В неё тут же ворвалась ночная тьма и муха, которую эльф поймал на подлёте.

Вот это реакция... Пусть не свистит, что после отрезания волос ничего не может. Да я в жизни бы так не смогла!

Мылась я быстро, получая от каждого прикосновения к коже мыла и воды непередаваемое наслаждение. Иногда, не в силах сдержаться, я постанывала от удовольствия. Эльф, кстати, как встал спиной ко мне, так и не шелохнулся. Даже когда я повесила ему на спину своё платье, и ухом не повел. Ну вот, а так стращали меня, выпускать не хотели...

— Всё, я помылась, — поговорила я, забирая с его плеч платье и с отвращением натягивая его на чистую кожу. — Завтра к озеру пойду, а то голову не мыла. И платье надо бы постирать.

Стоило мне надеть пропахшую потом тряпку, как эльф резко обернулся, схватил меня за руку и поволок в избушку.

— Подожди, я ведро не успела взять! — зашипела я, причём не потому, что у меня в роду змеи затесались, а потому что хватка у него железная. — Больно же!

— Не больше зубов карроды, — отмахнулся этот гад от моих претензий.

— Да ты даже с места не сдвинулся, пока я мылась, какая такая каррода? — не поверила его манипуляции.

— Джур её сдерживал, — процедил Эндариэль, буквально вталкивая меня в дом.

Упс, а лесника то внутри действительно нет. И постель пуста, и всё остальное тоже. Спустя пару минут вернулся Джур, взмыленный и злой. В одной руке он держал моё ведро, во второй копьё с металлическим наконечником.

— Всем спать! — гаркнул он с такой силой, что даже щёлка звякнула. — Ты на кровать, а ты со мной на пол.

Свою лаконичную и о-очень впечатляющую речь он сопровождал жестикуляцией, которая не оставляла простора для манёвра. Собственно, я и не собиралась маневрировать, а радостно, пока не передумали, шмыгнула на постель и накрылась одеялом. Эльф тоже спорить не стал, хотя, возмож-

но, не совсем был согласен.

Впрочем, это уже не важно. Важно, что я помылась! Да ещё и кровать наняла! Правда, теперь интересно, как мужики устраиваться будут, и не пора ли будить совесть.

Пронесло. На пол Джур бросил несколько шкур, после чего молча лёг и мгновенно уснул. Либо мастерски притворялся, чтобы к нему не лезли с лишними вопросами. Эндариэль тоже лёг, поворочался немного и спустя пару минут засопел. Я не стала от них отставать, ибо день выдался ну очень нервным, а предыдущий так вообще страшно вспоминать.

Глава 11. Особенности местных порядков

Утро встретило меня назойливой мухой и не менее назойливым эльфом.

— Вставай, если хочешь помыться, — выговаривал он мне, недовольно притоптывая ногой. — Ты ещё платье постирать хотела.

Я не сразу сообразила, где вообще нахожусь, и зачем мне с утра бежать мыться. А потом как вспомнила, как застонала... И в стоне том было всё: боль от пережитого, нежелание выползать из постели и лютое предвкушение очистительных процедур. И не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.